

ИСАБЕК АШИМОВ

ИСКУССТВЕННЫЙ ГЕНИЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Исабек АШИМОВ

**Искусственный гений. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Искусственный гений. Научно-фантастический роман /
И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643120-1

Можно ли создавать гения? В книге изложена научно-фантастическая история одного научного открытия, на основе которых группа ученых рассуждает о возможности создания гениев на поток. Зачем и как? Людям всегда интересен путь к открытию и созданию научной теории. История каждого научного открытия, как уникального результата творческой деятельности всегда была и останется драмой, в особенности когда речь идет о технологии стимулирования творческой молодежи на научно-образовательный прорыв.

ISBN 978-5-00-643120-1

© Ашимов И.
© Издательские решения

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	6
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ИДЕИ И НАУЧНОЙ ГИПОТЕЗЫ	11
ГЛАВА 2	23
НАУЧНЫЕ БУДНИ ПОИСКА НОВОГО	24
ГЛАВА 3	33
ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВЫ ЦЕЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Искусственный гений

Научно-фантастический роман

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-3120-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К ЧИТАТЕЛЮ

В мире много мифов об искусственном интеллекте, но можно выделить их в две категории в зависимости от сценариев развития: во-первых, искусственный интеллект станет своеобразной надстройкой над человеческим мозгом; во-вторых, искусственный интеллект будет развиваться сам, и возможно, захватит мир. Трудно сказать, какой сценарий разовьется в будущем. Однако с уверенностью можно сказать, что все зависит от системы общественных отношений в мире, что в свою очередь зависит от уровня научно-мировоззренческой культуры каждого индивида. Вот почему важен поиск закономерностей формирования и развития научно-мировоззренческой культуры населения. В настоящее время наука предстает, прежде всего, как социокультурный феномен. Познавательная деятельность вплетена в бытие культуры. Сторонники куммулятивизма (от латинского «увеличение», «скопление») считают, что развитие знания происходит путем постепенного добавления новых положений к накопленной сумме знаний. Такое понимание абсолютизирует количественный момент роста знания, непрерывность этого процесса и исключает возможность качественных изменений. Между тем, очевидно, знание вне обобщения, вне философского осмысления, так и не станет тканью научно-мировоззренческой культуры. Исходя из этого, научно-мировоззренческая культура – это не результат простого постепенного умножения числа накопленных знаний, а это результат философского осмысления их через увеличение степени общности устанавливаемых на этой основе законов.

Есть такие понятия как «контекст обоснования» и «контекст открытия». Если первое обозначает процесс доказательства и обоснования научного знания, то второе обозначает процесс открытия научных законов и теорий. Если первое реализуется на основе логического анализа, то второе реализуется на основе интуиции, таланта и воображения. Процесс выдвижения научной идеи, научной гипотезы является недоступным для логического анализа, так как не существует логики открытия, логических методов восхождения от данных опыта к научным законам и теориям. По сути, процесс открытия – это предмет психологии научного творчества. Нужно понимание того, что «инсайт» бывает только у хорошо подготовленных профессионалов, у которых развита функция фиксации и удостоверения определенного содержания знания. Между тем, проследить процесс продуцирования когнитивных инноваций в науке, а речь идет о разработке научных идей, гипотез и теорий всегда актуально и поучительно.

В книге сугубо фантастическим является лишь «нейрокомпьютерный конвергент». Конечно же, вымыслом является имена героев, многочисленные диалоги, форумы, собрания, эксперименты, которые служат не столько фабульными элементами романа, сколько своеобразной технологией «продвижения» в умах и сердцах проблемы наращивания качественных знаний, формирования современной научно-мировоззренческой культуры. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Она может привлечь внимание философов, интересующихся как биоэтической проблемой, так и методологической проблематикой клинической медицины, научных работников, интересующихся вопросами теории познания и социализации врачебной деятельности, а также врачей всех специальностей и студентов.

Людам всегда интересен путь к научной идее, гипотезе, открытию, научной теории, технологиям. В этом аспекте, наверное, нельзя было изображать личность профессора Каракулова – автора не только «нейрокомпьютерного конвергента», но и научной идеи, гипотезы, открытия, авторской теории, бледной тенью на фоне проблемы, а нужно было приоткрыть дверь не только в его научную лабораторию, но и в его умственную, интеллектуальную лабораторию. Нахожу нужным писать от третьего лица – журналиста Фариды Сеидовича. По моему, так целесообразнее.

Тайная перспектива искусственного интеллекта и искусственного гения. Чего мы на самом деле ждем от жизни и от интеллекта, которым обладаем или который могли бы

создать? Находятся ученые, которые мечтают с помощью искусственного интеллекта создать гениев на поток. И если человеческий мозг гениев ограничен размерами черепной коробки и физиологическими потребностями человека, то искусственный гений на основе искусственного мозга таких ограничений не имеет. Таковы суждения исследователей.

Предупреждаю, что все события, персонажи, имена – вымышлены, а любые совпадения – случайны. Чего не скажешь о научной выкладке. Они вполне реальны, хотя отдельные утверждения спорны по существу.

Исабек Ашимов

ПРОЛОГ

Профессор Каракулов на протяжении многих лет читал курс лекции по философии в гуманитарном университете. Его лекции всегда привлекали внимание студентов потому, что строил он их не по шаблону. На его лекциях студенты познавали то, что из учебников и книг познать не могли, они слушали ученого, получившего признание своим научным открытием в области философии науки и научного мировоззрения.

Как правило, курс лекции на каждом семестре Каракулов всегда начинал с риторических вопросов в зал, на которых, не дожидаясь ответов из зала, сам же и отвечал, при этом делая определенную паузу, оглядывая присутствующих и восклицая «Правильно!»:

– От чего зависит благополучное развитие нашей цивилизации?

– Правильно! От уровня научно-мировоззренческой культуры человеческого общества.

– Как и каким образом можно формировать и изменять состояние научно-мировоззренческой культуры индивида?

– Правильно! Системным наращиванием у них достоверных и осмысленных знаний.

– Можно ли мгновенно загрузить качественные знания в человека?

– Правильно! Можно и нужно с помощью моего «Нейрокомпьютерного конвергента».

Как правило, студенты всегда оставались ошарашенными и заинтригованными, как вопросами, так и ответами на них, теряясь в догадках об их логике. К чему ведет лектор? На что он намекает? Что еще за «Нейрокомпьютерный конвергент»?

Каракулов продолжал: – Теперь послушайте одну очень интересную и поучительную философскую сказку. Никто не знал сам ли лектор сочинил эту сказку, или же где-то прочитал, услышал:

– Однажды, один из величайших в мире разработчиков компьютерной технологии и программного обеспечения, некий сэр X торжественно запалял последний контакт на процессоре своего детища – суперкомпьютера. Сей момент зафиксировали сотни телекамер с прямой трансляцией его по всему миру.

Он торжественно подошел к выключателю, соединяющему одновременно все компьютеры мира.

– Сейчас произойдет объединение всех компьютеров мира в единый суперкомпьютер, образуя единую кибернетическую суперсеть, вобравшую в себе все знания и мудрости мира! – с пафосом воскликнул он.

Сэр X демонстративно включил эту суперсеть, а затем громко обратился к народу:

– Кто хочет задать первый вопрос суперкомпьютеру?

– Позвольте мне, – подал голос небольшого роста старичок с белой бородкой и со вьющимися волосами, ниспадающими до плеч.

– Пожалуйста, пройдите сюда, поближе к суперкомпьютеру. Пожалуйста, представьтесь, – попросил сэр X.

– Академик Z – ученый-астрофизик.

О, это была узнаваемой личностью современности.

– Рад поприветствовать вас, уважаемый сэр Z! – расплылся в улыбке сэр X и обратился к присутствующим. – Честью задать первый вопрос суперкомпьютеру удостоивается, уважаемый сэр Z – один из величайших ученых-астрофизиков, отмеченных Нобелевской премией. Люди одобрительно загудели.

– И какой вопрос вы хотите задать суперкомпьютеру?

– Пожалуй, задам ему вопрос, на который до сих пор не смог ответить ни один из двести признанных гениев мира, – сказал сэр Z и, повернувшись к суперкомпьютеру произнес:

– Есть ли Бог?

Ответ раздался мгновенно.

– Да! Теперь Бог есть!

Вот так появился Бог! – торжественно восклицал Каракулов и, завершая традиционную вступительную часть своей лекции, не без гордости говорил: – Мой «нейрокомпьютерный конвергент» – это всего лишь инструмент этого Бога, с помощью которого он любого разумного человека может переродить в гения! Так, что теперь гениями не рождаются, а ими становятся!

ГЛАВА 1

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ИДЕИ И НАУЧНОЙ ГИПОТЕЗЫ

Вначале это было обычным журналистским заданием. В редакции в те годы я возглавлял сектор образования, науки и культуры. Накануне, в редакцию поступил пресс-релиз Академии наук, в котором говорилось о том, что в 10 часов 16 марта состоится научная сессия Общего собрания, где планируется заслушать научную идею, выдвинутую профессором Каракуловым К. Б. Меня, как журналиста, заинтриговало название доклада «Триадный синтез научно-мировоззренческой культуры». Ведь каждый себя уважающий журналист в силу специфики своей деятельности считает чуть ли не своей миссией по поднятию уровня мировоззренческой культуры людей. Вот так, предвкушая услышать нечто, новое для себя, и выражая готовность написать соответствующую газетную статью, я и посетил сей форум ученых. Интуитивно я понимал, что научная идея – это лишь начало. Как мне говорили сведущие люди, за ним обязательно должно последовать выдвижение и доказательство научной гипотезы, а если она будет подтверждена, то очередь уже за научным открытием.

Немного забегаю вперед, хочу сказать следующее. Вначале я почти разочаровался в докладчике. Этот невысокий и сутулый человек, скованный в движениях, робкий, вызвался объявить свою научную идею, а сам стеснялся даже смотреть в зал. И голос был тихий, робкий. Здесь Академия наук, в стенах которой назойливо жаждут увидеть и услышать неповторимые выступления, высокие имена. Здесь всегда парад кумирных имен в науке и надушенный воздух высоких научных побед и удач. А тут? Странный ученый, – подумал я. Было видно, что докладчик безызвестный для большей части собрания. Было видно и то, что он очень озабочен, как бы не уронить тему доклада в глазах членов Академии наук, профессуры. Я уже порывался покинуть зал, но меня что-то насторожило. В каждом докладе есть понятия, окруженные глубокой сакральной тайной. Такими понятиями в докладе этого ученого были популяризация, концептуализация, философизация знаний, научно-мировоззренческая культура. Интуитивно начал понимать, что у автора в голове уже сложилась цельная система и научная идея всего лишь запускающий момент.

Забегая также вперед, хочу прояснить свою позицию в отношении нового, неизведанного и еще непризнанного в научной сфере. Я – журналист, убежденный в том, что любое научное открытие – это достояние человечества, а потому, немаловажно знать, как рождается оно, как пробивает себя дорогу вперед, какова его судьба. Безусловно, немаловажно знать, кто и как совершил научное открытие, если можно, то попытаться восстановить ход событий и мыслей. Конечно, когда научное открытие уже совершено и признано, мало кто оборачивается назад, чтобы вновь прочувствовать то, что было пережито, а вот когда научное открытие пробивает себе дорогу вперед, то многое видится совсем в другом свете. Зачастую, это драма идей и их творцов. Вот почему мне захотелось рассказать историю одного научного открытия в области гуманитарных наук.

Разумеется, есть смысл начать с необходимого пояснения. Как известно, научное открытие, расценивается в обществе как высшее научное достижение и признание. Оно представляет собой высшей формой познания, представляющие собой завершенные результаты научной интеллектуальной деятельности и информационно представленные в виде новых фундаментальных понятий, используемых в дальнейшем в качестве концептуальных. Роль и значимость научных открытий для человечества всегда была великой. История каждого такого открытия, как уникального результата творческой деятельности всегда была и останется драмой. Зачастую общество видит ученых, сделавших научное открытие лишь в редкие моменты их славы. В частности, когда их награждают и чествуют. То есть тогда, когда научное открытие

уже сделано и даже оценено обществом подобающим образом. А вот те, порою очень долгие года и десятилетия упорного труда в своих лабораториях, их победы и разочарования, беды и успехи, а также их мысли, надежды, сомнения, радости и печали, как правило, скрыты от людей. Поэтому общество так часто и не знает, как рождались научные открытия. А для истории науки они нужны, нужны биографии ученых, сделавших открытия, нужны их дневники и книги, приоткрывающие доступ к их мыслям и суждениям. По ним можно восстановить всю анатомию того или иного научного открытия.

Следует пояснить и следующие вещи. В научной деятельности очень часто встречаются ситуации, когда или отдельные ученые, или группа ученых, или даже целые научные учреждения и школы проявляют разные интересы и располагают разными путями в достижении разных целей. Короче говоря, всем приходится сталкиваться с конфликтом интересов, ситуаций, подходов, оценок. История науки свидетельствует о том, что ни одно научное открытие не миновало этот процесс. Но важен конечный результат, то есть итоги оценки по признанию этого научного открытия.

Итак, научные открытия возникают не сразу, им предшествует, как правило, выдвижение научной идеи. Что представляет собой научная идея? По определению, научная идея в области гуманитарных наук – это обобщенный теоретический принцип, объясняющая сущность неизвестной ранее связи между понятиями и/или концепциями. Затем, на этой основе формируется научная гипотеза. По определению таковой в области гуманитарных наук признается научно обоснованное предположение о неизвестной ранее связи между понятиями и/или концепциями. Лишь после обоснования научной гипотезы она может стать научным открытием. В области гуманитарных наук научным открытием признается установление интеллектуальных связей между понятиями и/или концепциями, которые воспринимались ранее несвязанными. Такова логика обоснования научного открытия.

Эта история с научной идеей и научной гипотезой родилась не сразу. Сначала были встречи, беседы, дискуссии с автором – профессором Каракуловым Кубатом Бакировичем. Мне, как журналисту, незачем было выдумать героя, не зачем было наделять его по своему желанию теми или иными качествами. Вот он перед нами – ныне здравствующий и действующий. Мы знаем, что в творческом процессе участвуют и абстрактное мышление, и воображение, и интуиция, и опыт. Но вот как именно этот процесс протекает? По каким правилам? В чем специфика творческих форм деятельности мозга? Как он выдает решение? В своей журналистской практике мне приходится разгадывать реальных людей, находить в них, то, что другие не замечают.

Итак, сама история. Небольшого роста, тщедушный, скромный и безучастный ученый умел работать, долгие десятилетия продолжал чего-то исследовать и искать. В один из дней, он с облегчением подвел итоги своей работы. Распечатал текст, объемную рукопись прошил и, вложив в папку, отнес в Академию наук для экспертизы и обсуждения. Ему пришлось ждать достаточно долго, то ли у ученых не было времени, то ли они не могли разобраться и понять его научную идею о формировании и развитии научно-мировоззренческой культуры. Вопросы по его теории, у ученых, оказалось, было больше, чем ответов, а потому была создана специальная комиссия, которая занялась изучением рукописи. Через пару месяцев Каракулов был приглашен в Академию наук.

Вот на это заседание попал и я, как журналист, приглашенный пресс-службой Академии наук. В зале заседали видные ученые – естественники, технари и гуманитарии. Начал свой доклад Каракулов торжественно, как человек, сознающий значимость момента. А как же, докладывает не где-нибудь, а в самой Академии наук. Он доложил свою научную идею, хотя, как я заметил, робко и неуверенно. Вскоре он, вообще сник. Он явственно ощущал недоверие и скепсис членов Академии и присутствующих ученых, которые сидели и слушали его абсолютно без интереса. Разумеется, обидно видеть, как столь уважаемые высокие ученые равно-

душно и холодно восприняли его идею. Завершив доклад Каракулов, уже совсем безучастный, со взглядом вверх, рассеянно давал свои ответы. – Нет, не поняли его, это же ясно. Не понимают или не хотят понимать? – обижался он.

Желающих выступить с критикой ли, с поддержкой ли сути доклада, также не было.

– Ну, в таком случае позвольте огласить заключение, – заявил председатель комиссии. – Сомнений нет, – сказал он, обращаясь к Каракулову, – вы выдвинули интересную научную идею. Но, к несчастью для вас, еще в 1986 году Роберт Стернберг описал научную идею, аналогичную вашей. Вы, наверное, этого честно не знали, – не то вопрошал, не то подчеркивал председатель.

На некоторое время в зале воцарилась тишина, а затем зал зашумел, были слышны возгласы и реплики, на которую уже Каракулов не обращал внимание. Разумеется, конечно же, его не утешило даже примирительные слова председателя комиссии, обращенные к нему: – Комиссия отмечает, что ваша научная идея представляет определенный интерес. Вами, действительно, представлен обобщенный теоретический принцип, объясняющий сущность неизвестной ранее связи между такими понятиями, как популяризация науки; концептуализация науки; философизация науки. Но..... Председатель многозначно посмотрел в зал и, обратившись к нему сказал: – Мы, члены комиссии, рекомендуем вам продолжить свои исследования. Желаем вам удачи!

Вот так закончилось собрание. Я кинулся взять интервью у председателя комиссии. Он, нехотя пробурчал в микрофон: – Комиссия не увидела принципиального подхода автора к объекту исследований. Я тоже попытался вникнуть в суть научной идеи, но сразу же отказался от всех вопросов, которые возникли у меня сначала. Надеялся на то, что автор расскажет, прокомментирует, но этого, к сожалению, не случилось. Комиссия решила рассматривать работу просто как первый домысел, как «первый вариант». Пусть автор продолжает работать.

Буквально у выхода из здания Академии наук догнал известного ученого-философа Саткеева. – Агай, что вы можете сказать по поводу научной идеи Каракулова? – был мой вопрос к нему.

– Каракулов на хорошем счету как универсальный ученый и идея его неплохая. Научно-мировоззренческая культура во всем мире испытывает кризис. Искать пути разрешения этого кризиса всегда актуальная инициатива. Я внимательно прослушал его доклад. Считаю, что есть в нем рациональность и новизна. Время покажет. Он не такой ученый, который отступит от своей идеи. Так, что не будем заглядывать в будущее..... Саткеев заторопился к выходу, где его уже ждала машина.

Вначале Каракулов и сам засомневался. Неужели сущность его научной идеи целиком и полностью совпали с сутью научной идеи Роберта Стернберга? Возможно ли такое совпадение? Каракулов прочитал его книгу, прочёл их раз, другой, третий. Сомнений не было, его научная идея и стернбергская идея посвящены проблеме формирования и развития научного мировоззрения, но они, по содержанию, по методологии, по уровню обоснования, разные, по сути. Этот автор предложил триадную теорию человеческого интеллекта, состоящую из трех взаимосвязанных частей: теории компонентов; теории опыта; теории контекста. В его же научной идее триадная теория состоит из трех компонентов: популяризация науки; концептуализация науки; философизация наук. Ничего схожего, но, тем не менее, комиссия, напустив на себя вид строгого беспристрастия и даже добродушия, вынесла свой отрицательный вердикт по каракуловской научной идее. Оспаривать мнение Академии наук, и еще мнение экспертной комиссии? Ни боже мой!... Заступников не было. Ни один из присутствующих – ученых, казалось бы, либерального толка и радеющих о науке – даже полслова не молвили за поддержку научной идеи. Одни были равнодушны, потому что не могли ясно видеть суть и будущее научной идеи, видимо не представляли себе ясно ее конечного результата. Другие, наверняка, зави-

довали, а третьи просто не захотели понимать. Большинство совсем ничего не знало про нее и, конечно же, остался равнодушным.

Все рухнуло. Каракулов уходил из зала оскорбленный, униженный, с бесконечной пустотой в душе. Его терзала обида, что оказался посмешищем в глазах своих коллег по цеху академической науки. Так и не примирившейся с данным фактом, ученый ушел в себе, отшельником сидел у себя на даче месяцами. Его можно было понять. Отрицательное отношение окружающих заставляет любого новатора замкнуться в самом себе. Как правило, следующая его идея уже не высказывается никому. Но время лечит.

* * *

Каракулову исполнилось шестьдесят лет. О, как с нетерпением он ожидал этот возраст! Ведь стало возможным уйти на пенсию по возрасту, чем он тут же и с радостью воспользовался. Уволился с работы, оформил пенсию, переселился на дачу. Вот так для Кубата Бакировича началась по-настоящему свободная жизнь. Жил отшельником, весь отдавшись своим книгам, и приезжал в город лишь при крайней необходимости. Начинал он свою работу с утра и до обеда, безвыходно проводя за компьютером. После обеда он не спеша прогуливался по своей исхоженной тропе, названной соседями по даче, «профессорской». Ближе к вечеру он вновь садился за компьютер и так до десяти часов ночи. В перерывах ужинал, читал свои рукописи, делая пометки на полях.

Итак, он размышляет уединенно, мир необычных идей в нем растет, усиливается, приводит его в тонус, дает ему жизнь, утешение, радость, поддержку в житейских печалях. Уже давно Каракулов проникся мыслью о том, что, непременно, докажет целесообразность своей научной идеи. Наконец, когда он сумел доказать уже свое научное предположение, на основе той же самой научной идеи, а также выявленных ими нескольких новых научных принципов, решил вынести на обсуждение членов Академии наук. Речь уже шала о доказательстве научной гипотезы.

Я, как журналист не мог пропустить такое событие. И вот спустя несколько лет я снова в Академии наук, но уже по своей журналистской инициативе. Актовый зал был заполнен до отказа. Традиционно, передние почетные места по центру зала, занимали академики, за ними рассаживались члены-корреспонденты. По бокам и позади них расселись профессора, ведущие научные сотрудники, а на галерке расположились представители научной молодежи, аспиранты, студенты. После обычной процедуры уточнения кворума и повестки дня, собрание открыл президент Академии наук Сарматов.

– Уважаемые члены Академии наук! Сегодня мы намерены заслушать члена-корреспондента нашей Академии наук Каракулова Кубата Бакировича, касательно выдвинутой ими научной гипотезы под названием «Философизация науки, как смыслоформирующий и основополагающий компонент научно-мировоззренческой культуры». Предложение поступило от бюро отделения химико-технологических и медико-биологических наук, а также от бюро отделения общественных наук нашей академии.

На трибуну, быстрым шагом поднялся Каракулов – пожилой человек, невысокого роста, сутулый, коротко постриженный, седой. И вот, откашлявшись, надев очки, обведя глазами зал, он начал. О, это был самый изощренный получасовой научный доклад, когда-либо мною услышанный. В силу специфики своей профессии я, довольно часто бываю на научных форумах. Зачастую бывает так, что докладчик оперирует крайне незначительным набором слов, и оттого кажется, что в его речи нет развития, а есть лишь вариации сказанного в самом начале. В этих случаях, что-то всегда мешает вникнуть в суть доклада, ухватить главное, а потому появляется желание уйти, уже пропадает всякое желание вникнуть в содержание речи выступающего. В таких случаях, как говорят, отключаешься и начинаешь думать о своем. Но в этот раз...

На аудиторию обрушился такой огромный поток мыслительной продукции с целой системой парадоксальных соображений, с четким рисунком движения мыслей от научной идеи к научной гипотезе, а оттуда четко вырисовывалась самобытная научная теория.

Хотя Каракулов говорил достаточно внятно, ровно, однако, не каждый, как мне показалось, понял его речь из-за перегруженности текста доклада сложной научной терминологией. Многим из них они были внове, а потому резали слух. Свое выступление докладчик завершил такими словами: – Уважаемые коллеги! Я должен сознаться, что в течение многих лет проникся этой идеей и позволю себе высказать здесь это предположение, хотя хорошо сознаю, что оно нуждается еще в дальнейших детальных доказательствах».

В целом, академическая среда встретила доклад достаточно равнодушно, как в свое время доклад автора по научной идее. Не было ни существенных вопросов, ни реплик и критики. – «Явное недоразумение», – сочувственно сердился Умар Талипов – ученик Каракулова, который сидел рядом со мной. Но, на этот раз не было прежнего злорадства, циничных замечаний и обидных реплик в адрес докладчика. Я записывал то, что говорили затем выступавшие. Научная гипотеза в своем первоначальном виде записана тут же в блокноте, между речами академиков Даникеева и Кокнарова, которые очень буднично пробурчали поздравления. Почему такая сдержанность? Понятно, что академиков и членов-корреспондентов Академии наук трудно чем-нибудь удивить, ну, а профессура, научные сотрудники, творческая молодежь? Речь то идет о незаурядном событии в мире науки. Научная гипотеза – это всегда событие в научном мире, это громкая заявка на победу и высокое признание. В чем дело? Итак, что же было, несомненно? Научная гипотеза была очень актуальной, своевременной, перспективной и, в достаточной степени обоснованной в условиях новой научной парадигмы, – постнеклассической научной рациональности. Если бы Академия все-таки признала научную идею и научную гипотезу, разве она потеряла свое положение в науке? Несомненно было и то, что либо автор, понимая, что ему не удастся по каким-то неизвестным нам причинам донести до членов Академии наук суть и перспективу научной гипотезы, забросить работу, переключившись на другую научную тематику, либо он возьмет тайм-аут и все же докажет правоту своей научной теории. Причем, не нарушая границы академического приличия. Одно из двух. А пока непонятно.

Каракулов был, весьма скрытным человеком и, не так уж часты были в его жизни моменты, когда он приоткрывал свое истинное лицо, свой строй мыслей, свои убеждения и страсти. На этот раз он, оказывается, все-таки решился. Мне было всегда любопытно, как сочетаются в характере ученого робость со смелостью. Причина робости любого ученого, наверняка должна быть недостаточная доказательность своей научной работы. А причина смелости? Смею предположить – причина смелости тех же самых ученых, наоборот, в их уверенности в правоте и верности их научного направления, доказательности научных работ. Несмотря на свою закрытость, профессор слыл одним из видных ученых с разносторонними интересами. Недаром его приняли в член Академии наук.

Как журналисту, было бы неверным утверждать, что лишь настырность Каракулова обеспечит ему дальнейший успех. Когда ученый методично, шаг за шагом, продвигается вперед к истине, то есть не интуитивно, ни на ощупь, а с полной научной уверенностью, успех ему будет обеспечен. Вот тогда то, я и начал более подробное собственное журналистское исследование, в том числе как же было воспринято научная идея среди научного сообщества вне академической среды. Спустя несколько дней после этого события в газетах стали появляться выступления ученых. Причем, не только хвалебные, но и критические. В частности, известный ученый-биолог Исманов выступил с критикой. Однако, чувствовалось, что автор той статьи явно не понимал суть научной гипотезы. Примечательным был ответ автора научной гипотезы.

– «Благодарю коллегу за столь высокое внимание к моей работе. Я слишком уважаю эту незаурядную личность и большого ученого, чтобы публично спорить с ним. Как исследователь, безусловно, задумаясь, ибо никогда не абсолютизировал свои научные взгляды и выкладки.

Считаю излишним кому-либо доказывать, объяснять, пояснять. Обращаю внимание на то, что сущность нашей научной гипотезы проста и вопрос его „мирового уровня“ все же определен, как положено во всем мире. С нами согласились в том, что научно-мировоззренческая культура – это полифункциональный интеграл из триады компонентов: популяризации науки, концептуализации науки; философизации науки. Причем, философизация науки является смыслоформирующим и основополагающим компонентом научно-мировоззренческой культуры. Диалектическая взаимосвязь и динамическая трёхфазность компонентов, определяют наращивание знаний, а рефлексивно-рекурсивная процессуальность и диалогичность способствуют формированию научно-мировоззренческой культуры».

Опять же забегая вперед, хочу отметить, что Каракулов шел к своему научному открытию медленно, приближаясь методично, шаг за шагом, и уж тут-то ни о какой случайности не могло быть и речи. Как я уже сказал выше, вначале была выдвинута научная идея – это еще в начале 2000-х годов нынешнего столетия. Затем он формирует научную гипотезу, которую он пытается на протяжении многих лет доказать. И лишь потом он приступает к формированию своей авторской теории. Настоящий исследователь не может предложить своим коллегам полуфабрикат научной идеи, он непременно придаст ей максимально завершенный вид. Так и случилось. В своем докладе Каракулов приводит теоретическое обоснование, правда пока еще в общем виде. Однако многие уже знали, что вскоре у него будет возможность сделать это более обстоятельно.

Вот так, тогда заседание членов Академии наук прошло буднично, апатично. Чувствовалось, что Каракулов расстроился, быстро одевшись, он сразу же уехал на свою дачу, впал в крайность, отрешился от мирской и научной суеты. Кто знает теперь, о чем жалел, о чем он передумал в течение двух-трех недель, когда никого не принимал и ни с кем ничего не обсуждал. На мою просьбу встретиться и поговорить о научной гипотезе, он не раз и не два отказывался, ссылаясь то ли на занятость, то ли на отсутствия всякого интереса говорить о научных проблемах с кем-либо.

Чем больше он отказывался от интервью, тем больше я проявлял настойчивости. Такова наша журналистская особенность. В течение ряда месяцев наводил нужную справку, расспрашивал его коллег, даже встретился с двумя его учениками – молодыми научными сотрудниками его лаборатории. Мне стало известно, что Каракулов вновь активно работает, более того, взвинтил темп работы всей лаборатории, а внешне выглядит бодрым и увлеченным. Практически не обращает никакого внимания на выпады в свой адрес, касательно научной идеи и научной гипотезы. Как мне показалось, у него появилась новая идея, и он стал ее рабом. Так я и ожидал. С раннего утра уже в лаборатории, начиналась напряженная экспериментальная работа. Несмотря на спешку, работа велась исключительно методично. По крайней мере, мне так подсказали его ученики. Чувствовал ли он, что где-то здесь, совсем рядом его поджидает успех – научное открытие?

* * *

Спустя несколько месяцев, я вновь напросился на прием к автору научной идеи и научной гипотезы. И вот, наконец, Каракулов внял моим просьбам и пригласил меня к себе на дачу.

Дача располагалась в предгорьях, в получасах езды от города, в очень живописном месте – горы, реки. Был конец мая. Все вокруг покрыто зеленью, остро пахло весенними цветами. Дом расположился на пологой пригорке, справа от грунтовой дороги, серпантинном идущей дальше в горы. Издали он напоминал средневековый изящный замок. Симметрично друг другу высились две пары каменных башен с бойницами и с остроконечными пирамидальными крышами. Все четыре прямоугольные башни соединялись между собой высокой в метра четыре крепостной стеной с зубцами, образуя прямоугольную площадь. В центре кре-

пости высился каменный двухэтажный дом, также покрытый пирамидальной высокой крышей. Издали крыши дома и четырех башен напоминали пирамиды Хеопса. В этом отношении дача Каракулова была очень узнаваема, прежде всего, необычностью строения. Ни дать, ни взять самая настоящая крепость, с башнями, крепостной стеной с настоящими зубцами.

Заезжая в дачный поселок, я позвонил ему по мобильному телефону. Каракулов встретил мою машину возле ворот своей дачи. Вблизи ощущение того, что дом и есть крепость было полным. Массивные каменные стены, башни с узкими бойницами, узкие окошечки в доме, выходящие во двор крепости. Все живо напоминал небольшой, но изящный, не лишенный симметрии, средневековый замок. Поражало и то, что этот комплекс зданий был вкруговую обнесен высоким каменным забором с массивными воротами.

– Здравствуйте! Ну и забурились, товарищ профессор, – сказал я, не переставая удивляться строениям. – От кого вы так огородились?

Каракулов, улыбаясь протянул руку. – Ну, здравствуйте Фарид Сеидович. А может быть, когда-нибудь придется и отстреливаться. Время такое, – пошутил он, смеясь и пропуская меня во двор.

И в правду, как в крепости, двор был небольшой. Каракулов, видя мой неподдельный интерес к строениям, повел меня вокруг крепости. Действительно, стены впечатляли своей высотой и неприступностью. С парадной стороны дома-крепости высилась круглая башня метров десять высотой, накрытый конусообразной остроконечной крышей.

– Вот эта башня именуется «профессорской», – сказал Каракулов. – Там наверху мой рабочий кабинет. Пойдемте, покажу.

Отворив массивную железную дверь, мы оказались внутри башни. Винтовая металлическая лестница вела вверх. Преодолев лестницу в три спирали, мы вошли в овальный кабинет.

– Вот тут я и работаю, – сказал профессор, указывая на письменный стол, заваленный рукописями и на массивное деревянное кресло, обтянутый шкурой. Напротив стоял книжный шкаф, забитый книгами. На столе ноутбук, ручки и карандаши. Рядом с письменным столом стояла тумбочка, на котором красовался небольшой самовар, чашки, ложки. Четыре маленьких окошка, напоминающие бойницы располагались друг против друга. Оттуда во все стороны открывался прекрасный вид на дачный поселок, горы, речку, что протекает почти рядом с дачей. Я был в восторге. Ничего подобного я не видел ни у кого на своих дачах.

– Я не мог себе даже представить, что такое возможно, – не без искреннего удивления сказал я. – Да, я вижу вы романтик. Когда вы успели отстроить такую крепость?

– Скорее, я отшельник, люблю одиночество и даже, как видите, даже немного одичал, – рассмеялся Каракулов.

Где-то за грудью заныло. А как хотелось самому одичать, как верно сейчас сказал профессор, подумалось мне, – то есть пожить отшельником, отгородится от забот, суеты и лени. Заняться своими мыслями, наконец, сесть и осмыслить наедине с самим собой то, что тебе беспокоит, гложет и не дает покоя. Вот где по-настоящему можно, как говорится, «собирать камни», – подумалось мне. В эти минуты, разумеется, я искренне завидовал Каракулову – человеку, безусловно, творческому, человеку высокой мысли и проницательности. В тишине этого кабинета, забывшись от всех проблем и переживаний можно творить и творить, – подумалось мне. Вот он главный фактор предельных достижений для творческого человека. Видя все это, я по уже новому представлял профессора. Кто если не он сделает открытие? Кто если не он добьется таких высот в науке? Кто если не он по-настоящему реализует себя в творчестве и получит всеобщее признание? Кто если не он достигнет самодостаточности? – задавался я сам себе. Откровенно говоря, я ему глубоко позавидовал. Ведь некогда сам мечтал по-настоящему засесть за литературное творчество. То не хватало времени, то не было элементарных условий, то мешали какие-то обстоятельства. И вот, та самая еще юношеская мечта развеялась,

исчезла. Теперь же, когда появились условия, есть время для творчества, есть опыт, однако, оказалось, запал то исчез. Как жаль!

Ежедневно телевидение, полосы газет, но чаще новостные ленты в социальных сетях пестрят заголовками о новых открытиях в той или иной научной области. Что-то нерадивые журналисты преувеличенно выдают за сенсацию, а на чем-то важном наоборот внимания не заостряют. Но факт остается фактом – науку двигают ученые, совершающие научные открытия. Научная идея, а в особенности научная гипотеза – это, как принято считать, заявка на научное открытие. Вот таким ученым был профессор Каракулов. Как я уже говорил, научное открытие – это самое важно мировое научное достижение и самое важное мировое научное признание. Кто они такие, которым удалось выдвинуть научную идею, а затем и научную гипотезу, как прообраз научного открытия? Что из себя представляют они, как ученые, как люди?

– К сожалению, в науку я пришел поздно. Занимался хирургической деятельностью в самом отдаленном районе страны. Мне было под тридцать, когда я поступил в клиническую ординатуру на кафедру хирургии, а после досрочного его завершения был избран ассистентом этой кафедры. Мне посоветовали заняться научной работой. Будучи уже хирургом, прошедшим районную школу, мне всегда была интересна биомедицина. Речь идет о таких фундаментальных дисциплинах, как патофизиология, патоморфология, биохимия, биофизика. Разумеется, мою идею изучать вопросы функциональной дозволенности и переносимости оперативных вмешательств с позиции клинической физиологии не всегда разделяли. Но я упорно шел своей дорогой. Защитил кандидатскую диссертацию уже под сорок. Приятно осознавать то, что уже потом все увидели перспективу развития этого направления. Далее докторская диссертация, выполненная на стыке двух специальностей «хирургия» и «патологическая физиология». Скажу так, патофизиологический стиль мышления схож с философским стилем осмысления. Там и тут важно абстрактное, как конвергентное, так и дивергентное мышление. По-настоящему увлекся психологией личности и творчества, причем, в условиях новой научной рациональности – постнеклассической науки, основными принципами которой являются философия, синергетика, комплексирование, абстрагирование и пр. Вот так незаметно для себя приобщился к философской науке. В начале 2000 годов написал и защитил вторую докторскую диссертацию уже по философии. Был избран в члены Академии наук. Так, что Академия наук для меня, как и для многих ученых страны, святой храм науки.

Удобно расположившись в креслах напротив друг друга, за чашкой терпкого чая, заваренного мятой мы продолжали начатую беседу.

– Уважаемый профессор. Как Вы знаете, я присутствовал на сессии Академии наук, где вы доложились о сути вашей научной гипотезы. Мне, да и всем остальным, наверняка, показалось интересным ваше ответное выступление на поздравления.

– Если признаться, мне было неприятно холодное безразличие к этому событию. Потому и выступил адекватно приему – холодно и сдержанно. Обычно, вопрос выступления автора научной идеи или научной гипотезы оговаривается заранее, предоставляя возможность автору изложить, хотя бы суть научной идеи или научной гипотезы, его значимость и прочее.

– Признаться и я был удивлен тем, что все прошло буднично, скомкано. Ведь научная идея и научная гипотеза даже в таком интеллектуальном центре, как Академия наук совершается не каждый день.

– В том-то и дело. Само по себе научная гипотеза – это научно обоснованное предположение о неизвестной связи между понятиями и/ или концепциями. Речь идет о достаточно высоком научном достижении и признании. Впрочем, давайте перейдем к предмету нашей беседы, – предложил Каракулов.

– Хорошо. Так вот, я внимательно ознакомился с сущностью вашей и научной идеи, и научной гипотезы. Если позволите, давайте начнем с сути вашей научной идеи, изложенной

в вашей книге «Система». Значит, согласно вашей научной идеи, научно-мировоззренческая культура многоаспектна, но можно выделить три основных компонента?

– Да. Речь идет о популяризации, концептуализации и философизации знаний.

– Если уровень научно-мировоззренческой культуры зависит от соотношения трех компонентов, то значит, возможно, изменение ее?

– Да. Формировать и изменять состояние можно и нужно, – отчеканил Каракулов и добавил: – Я уверен, что существует определенная закономерность формирования и изменения состояния научно-мировоззренческой культуры каждого индивида.

– А с какой целью? Неужто, просто из обычного человека сделать вундеркинда?

– Фарид Сеидович, прошу не утрировать, – сказал профессор, – все в мире зависит от того, как мы воспринимаем мир, себя, людей. То есть от уровня нашей научно-мировоззренческой культуры. Люди бывают разными по уровню знания, воспитания, культуре. Неодинаковы и их мировоззренческие взгляды, суждения, так как они сформированы в разных условиях, под влиянием разных факторов. Вот эта разность и преподносит недопонимание или откровенное неприятие между собой.

– То есть люди стоят на разной шкале умственного развития и от того и не понимают друг друга?

– Отчасти, – уклончиво ответил профессор и продолжил: – Так вот, если человек невысокого умственного развития самым серьезным образом возьмется за ум, будет формировать у себя свой мозговой потенциал, соответствующий требованиям научного мировоззрения, потребуются многие годы для такого самосовершенствования.

Постепенно мне становилось понятным то, что Каракулов уже работал над выдвижением новой научной теории. Причем, не просто новую, а оригинальную, означающую новый поворот в научно-образовательной стратегии. Как и всякий разумный ученый, он должен был бы вначале сообщить и обсудить эти вещи среди коллег в научной среде. Нет, он этого не собирался делать. Он уже искал доказательство новым научным принципам. А то, что в лаборатории, как мне сказали, все завертелось и закрутилось, лишь подтверждали мою догадку, что найден путь, по которому следует идти.

Как-то странно и необычно все это выглядело. Сначала медленная многомесячная раскачка, а потом вот такой бешеный темп экспериментов. По-моему, это имеет лишь одно объяснение. Процесс реализации научной идеи и научного обоснования гипотезы было уже созревшим к моменту доклада работы в Академии наук. Да, в проницательности Каракулову не занимать, – подумал тогда я. Вообще, коснувшись темы научного открытия, научных исследований, я понял одно – технология научного творчества всегда была, есть и останется большой загадкой. Десятки «почему» приходит в голову, когда приходится вникать в творческую линию того или иного ученого, того или иного научного достижения либо открытия. Вот и здесь. Двадцать с лишним лет Каракулов практиковался и занимался научной деятельностью в области клинической и экспериментальной хирургии, десять с лишним лет занимался клинической физиологией, а последние десять-пятнадцать лет засел за философию. Причем, проявив себя в двух направлениях. Во-первых, в философии предостережения последствий внедрения новых и сверхновых технологий. Во-вторых, в философии формирования и развития научно-мировоззренческой культуры человека.

Меня, как журналиста заинтересовал сугубо человеческий вопрос: а каковы будут требования членов Академии наук на счет возможной заявки профессора Каракулова на научное открытие? Разумеется, они никого не удивят: новое всегда встречает противодействие. Члены Академии не любят, когда их заставляют поменять свои взгляды на те или иные вещи. Не каждый член Академии является прогрессистом, не каждый из них может подавить в себе уязвленное самолюбие, ложную гордыню. В этом смысле, мне стало понятным то прохладное отношение к докладу Каракулова.

Задетых научной идеей и научной гипотезой было сравнительно немного, но они были. Как-то вне Академии наук разговорился с одним из профессоров. История науки знает, как правило, чем важнее научные идеи или научные гипотезы, тем более заинтересованных и задетых людей, а значит и врагов, – сказал он и продолжил: – Нужно сказать, что члены Академии наук всегда отличаются особенным тщеславием, самолюбием и другими нравственными недостатками. Эти страсти играли немалую роль в их академической карьере. Отношения академиков или членов-корреспондентов к своим непрославленным еще собратям – профессорам и докторам наук нередко ошибочны, несправедливы, а иногда и безжалостны. В своих суждениях они об этих собратях зачастую ошибаются, то это отчасти потому, что они все же остаются людьми со всеми нравственными недостатками: завистью, ревностью, эгоизмами всякого рода. Вот почему хорошо читать жизнеописания избранных, то бишь членов Академии, приятно посмотреть на них, отлитых из бронзы или высеченных из мрамора, но чревато иметь с ними дело, когда они враждебно настроены на тебя. Они скептически, ироничны, желчны, подозрительны, а порою даже деспотичны.

В целом, такое откровение походило на правду. Мне как-то говорил еще более откровенные мнения. В частности, один из молодых ученых сказал: – Знаете, есть такие очень влиятельные академики, которых можно представить в образе льва. Они, если хотят, переломают любому хребет одним махом. То есть, образно говоря, могут сломать научную судьбу или карьеру любому ученому, которые оказались им не по нраву. Знает ли о таких вещах Каракулов? Или ему пока везло в том, что не попался под руку таких академиков? Где-то в глубине души у меня появилась боязнь и тревога за него.

Мне непременно хотелось узнать мотивы обращения Каракулова к научно-образовательной стратегии.

– Кубат Бакирович. Вы замахнулись на нечто очень серьезное. Получается, что необходимо выстроить новую научно-образовательную стратегию?

– Да. Вы правы. Научно-образовательную стратегию следует обновить, и связано это с тем, что появилась новая научная парадигма – постнеклассическая наука со своей стратегией, принципами и со своей идеологией.

– А как понять вашу, ну скажем, научную стратегию: несколько сеансов и человек набрал пороговый знаниевый багаж. Так?

– По сути, да. Набрать то он может, а нас интересовал другой вопрос: – Каким образом, все знания по той или иной тематике – бытовой, научной, общественной, совместить, осмыслить? Причем, выразить эту работу осмысленным резюме, служащим ориентиром в его деятельности – жизненной, производственной, научной.

– А причем тут, изобретенный вами «нейрокомпьютерный конвергент»?

– Вся проблема в том, что если предоставить завершающий процесс самому человеку, то этот процесс затянется.

– То есть процесс будет слишком медленным и неоднозначным?

– Точно. Вот вы сами, как понимаете слова «стать умнее и мудрее»?

– Ну, это, прежде всего, объем знаний. Хотя, бывает и так: человек не имеет никакого образования, но умен и мудр.

– Итак, знания. Причем, качественное. А что означает качество знаний? Прежде всего, осмысленное, интерпретированное, обобщенное на уровне философских резюме. Вот, что означает высокое качество знаний, – подчеркнул профессор.

– Скажем так. Не каждому суждено стать философом. Есть люди, которые слынут высокообразованными, но они просто не умны по жизни.

– Да. Такая картина не редкость. Представьте себе, что знания, накопленные в мире можно за определенный большой промежуток времени можно «вложить» в головы людей. Что тогда произойдет? – вопрошал Каракулов.

– Человек просто сойдет с ума. Так?

– Вы не далеки от истины, – резюмировал профессор. – Все знания – это слишком неопределенно. Человеческая память избирательна, она работает по принципу создания определенных ассоциаций, а потому в головной мозг знания должны поступать тематические. Причем, как художественный, так и научный и философский тексты.

– Речь идет о той самой трехпоточной системе восприятия? – напомнил я.

– Да. Объем и сочетания этих знаний будут способствовать формированию научно-мировоззренческих взглядов и отношений. Знания художественной литературы вызовет цепную реакцию, человека захлестнет знание концептуального характера, а когда их объемы превысят определенную грань, появится знание всеобъемлющего характера. Вот тебе и цепная реакция, – констатировал профессор.

– Дайте подумать. В чем преимущества? Так, так. Значит, традиционная технология обучения имеют достаточно примитивный КПД? – спросил я.

– Да-да. Есть знания, есть мозги, однако, нет эффективных средств, позволяющих в короткий срок вложить большой объем тематических знаний, как продукт совмещения в мозгу, так сказать переработки с получением качественной мыслительной продукции, определяющий поступков и поведения индивида.

Беседа затянулась на целых два часа. Как мне показалось, за разговором, мы опорожнили целый самовар чая. Я задал ему еще один вопрос, оставленный напоследок.

– Помните ту самую критическую статью профессора Исманова?

– О, да! Догадываюсь, что не впечатление от почти безразличного восприятия сообщения о моей научной гипотезе, а именно суть той самой статьи заинтриговало вас и вызвал у вас жгучий журналистский интерес. Я прав?

– Отчасти, да, – сказал я.

– Так вот, я не стал бодаться с ученым, который явно не вникал в суть моей теории. От того и выпады его против меня и моей научной идеи и научной гипотезы, безосновательны, отрывочны, поверхностны. По крайней мере, я не должен был ни изъясняться с ним, ни впасть в дискуссию. С кем я должен спорить и кому доказывать? Время расставить все на свои места. Борьбаться и доказывать нужно до признания, а после того, как научную идею и научную гипотезу признали, внесли в общемировой каталог, зачем было нужно тратить время и нервы. Впереди должны быть новые цели.

Поговорив вдоволь, мы вышли на улицу. Напротив крепости через дорогу высилась довольно крутая и высокая гора, покрытая кустарниками. Наискосок зигзагообразно поднималась вверх тропинка.

– Вон та тропинка называется профессорской, – сказал Каракулов, указывая на тропинку.

– Почему? – удивился я.

– Для меня почти ритуал, каждый день ближе к вечеру, пройтись по этой тропинке на вершину горы, а оттуда повернув влево пройтись до вон той сопки и спуститься вниз к дороге, а оттуда сюда.

– Получается, она называется «профессорской», так как именно вы протоптали ее?

– Ну, да. О, кстати, – взглянув на часы Каракулов сказал, – пришло время вечернего моциона. – У вас нет желания пройтись?

Машинально и я взглянул на часы. Они показывали восемнадцать часов. Почему бы не прогуляться, – решил я.

В три-четыре остановки за разговором, мы преодолели путь к вершине горы. Оттуда открывался изумительный вид на дачный поселок, на речку, дороги, на сопки, что высились вдаль вокруг дачного поселка, аж дух захватывал. С вершины горы дача Каракулова показалась еще более красочной.

– А знаете, – обратился Каракулов ко мне. – Поднявшись сюда, я очень часто лежу, запрокинув голову, и подолгу смотрю в родниковое небо, где можно увидеть своё детство, молодость. Такое же далёкое и чистое. Если прислушаться – услышишь, как шепчут травы, ветерок. Что они шепчут, не понять, но, наверняка, тоже что-то очень хорошее и родное. Эх, знать бы, что.

И мне показалось, здорово, вот так запросто лежать, глядеть в это самое небо, слушать секреты гор, лесов и полей вокруг, дышать и пить чистый воздух большими глотками.

Меня поразила эта высота, близость к небу и все особенное, расположение этой горы, как бы не на земле, но над ней. Тому, кто попадает на вершину этой горы впервые, непременно покажется, что есть только верх, а низа нет, что высота существует сама по себе, а не как сопутствующая дачному поселку низина. На новичка обязательно произведут впечатления, соизмеримое разве что с тем, которое оставит профессорская крепость внизу и жизнь его хозяина, если только пришельцу посчастливится проникнуть за его ворота, в мир научного творчества.

С высоты этого холма меня поразила симметрия дачного строения. Она напомнила мне дизайн храма царя Саламона. Вот стены, квадратные башни по углам, а в центре квадратной формы дом-алтарь.

– Ну, каково ваше впечатление? – прервал мои размышления Каракулов.

– Божественный вид, – искренне восхитился я.

Внезапно меня поразила догадка. Дизайн профессорского дачного комплекса чем-то напоминал чип квантового процессора. Да, точно! Можно было увидеть аналогию с обликом храма царя Саламона – в центре алтарь, опоясанный стеной и угловыми башнями. По аналогии с ним можно провести параллель между молитвенным общением священников в алтаре с квантовым общением с новыми цифровыми сущностями.

Да, трудно быть первопроходцем, – подумал я, – прокладывать дорогу в неизвестной территории науки, среди зависти, непонимания, равнодушия ученых. Все, что касается научной идеи и научной гипотезы – это результат серьезной, кропотливой, до седьмого пота труда ученого, который однажды на короткий миг все же посчастливилось увидеть то, что не видели другие, сделать то, чего не смогли другие. Задачей же журналистов от науки, историков науки осветить роль такого ученого в совершении открытий, увидеть и огласить талант, знания, упорство, умение мыслить широко, глобально, дотянуться своими мозгами до самых тонких уголков природы и человеческой души, трудолюбие, смелость в поиске и утверждении нового. Вот с такой мыслью, я возвращался в город. – Да, Каракулов – это застоявшаяся конь, – подумалось мне. – Ему легко далась наука, но нелегко складывалось его положение в науке. Потому, что при неординарных своих способностях, высокой работоспособности, а также научной продуктивности, он получил признание лишь к исходу шестого десятка лет. Но, прежде чем выйти на свой нынешний, если можно так сказать, философский путь, он, сперва, выходил на другие области, в которых имел не меньший успех – это хирургия, клиническая физиология. И как его на все хватало?

ГЛАВА 2

НАУЧНЫЕ БУДНИ ПОИСКА НОВОГО

Трудно сказать, держал ли ученых в состоянии напряжения доклад Каракулова на Общем собрании Академии наук, либо о нем благополучно забыли? Однако мне показалось, что Каракулов, наоборот, сам больше размышлял о технологиях формирования и развития научно-мировоззренческой культуры, причем, не до доклада, а после, то есть не по своей инициативе, а, как мне показалась, а готовясь защищаться от нападок. К счастью, нападок не было, но не было и хоть какого-то одобрения идеи и гипотезы профессора. Похоже, о них благополучно забыли или же, кто знает, просто осудили на забвение. Время шло. А автор научной идеи и гипотезы сидел в своей лаборатории, не принимая ни корреспондентов, ни других визитеров, и продолжал работать над той же темой в кругу своих учеников и последователей. Непрерывно издавались книги автора, причем, в пяти-шести сериях к ряду, в которых излагались основные принципы новой теории автора. Вот передо мной лежит серия изданий профессора под общим названием «От Мифа к Логосу», состоящая из пятнадцати томов. Стоит только вчитаться в название книг, каждая серия состоит из трех томов и, как правило, посвящена одной проблеме. Первый том каждой книги этой серии имеет художественную направленность, а обложка, несомненно, зеленого цвета. Второй том каждой книги имеют концептуальную направленность, а обложка, несомненно, синего цвета. Наконец, третий том каждой книги имеет философскую направленность, а обложка, несомненно, красного цвета.

Еще при первой встрече с Каракуловым мне посчастливилось узнать о многом. Тогда, как помнится, расставаясь, мы договорились с ним продолжить свою беседу уже в стенах лаборатории профессора. Мне было интересно увидеть своего героя на своем рабочем месте. Такой случай мне представился спустя много месяцев. Несмотря на мои уговоры и просьбы профессор все время откладывал презентацию своей лаборатории для журналиста. А ведь, как стало известным из его научного круга, дело клонилось к созданию некоего уникального прибора. Непременно хотелось бы, наконец, хоть мелком взглянуть на него – «нейрокомпьютерного конвергента». Каково было мое удивление, когда в один из дней профессор сам позвонил мне.

– Здравствуйте! На проводе Каракулов, – бодро поздоровался и представился он. – Уважаемый Фарид Сеидович! Назавтра мы наметили очередной эксперимент. Если Вы выберете время, то добро пожаловать.

На следующее утро возле лабораторного корпуса меня встретил молодой человек по имени Сапар. Он представился научным сотрудником, провел меня в кабинет профессора. Мы вошли в прохладную комнату с высоким потолком и стойким запахом старины. Кабинет делился на две зоны – зону порядка и чистоты, и зону доведённого до крайности бардака. Часть комнаты, где всё сверкало и наводило на мысли о заботливой женской руке, располагалась у дальней стены. Там стояли массивный деревянный стол, кожаное кресло-вертушка и шкаф из какого-то молочно-белого гладкого материала с овальными прожилками. Огромный стол был пуст, за исключением компьютерной панели современной модели. За креслом висела географическая карта земного шара. Противоположная часть комнаты, представляла собой яркий контраст с предыдущей идиллией. Целые стопки книг, рукописей, раскиданных по полу. Всё это чередовалось со шкафами, забитыми до отказа книгами, стоявшими на прогибающихся полках.

В назначенный час Сапар повел меня в лабораторию. Прошлись по длинному коридору, свернув направо, очутились перед массивной железной дверью, над которой висел неоновое табло «Тихо! Идет эксперимент». За дверью оказалась еще одна дверь, обитая поролоном.

Для меня, да и для абсолютного большинства обывателей, слово «лаборатория» всегда окутано ореолом таинственности. Сегодня мне выпала редкая удача присутствовать в лаборатории Каракулова и своими глазами увидеть, какие же тайны кроются за этой белой дверью

с неоновой вывеской «Посторонним вход воспрещен!». Вот мы и добрались до святая-святых! – с удовлетворением подумал я.

Здесь все готово к проведению очередного эксперимента. У меня создалось впечатление, что здесь вообще не протиснуться, вокруг столько приборов, опутанные многочисленными проводами и тоненькими трубками, словно где-то за ним притаился и ждет кибернетический паук. Среди сотрудников, спящих между приборами, как мне потом подсказал сам профессор, оказался биофизик – Руслан, биоматематик – Рано, нейробиологи – Мурат, Асан, Бакыт, психолог – Айгуль, нейрофизиологи – Эрмек, Умар, программисты – Эсен, Сабит.

– Все вместе – одна команда, – пояснил профессор. – Это мои ученики, то бишь мои дети со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти ученые, несмотря на свою молодость, не верят ни в каноны, ни в аксиомы, они не скованные традициями и стереотипами, они настоящие исследователи до мозга костей, – похвалился он.

В это время сотрудники продолжали тестировать свои приборы, мониторы, подбирали волну, фазу и форму импульса. Говорили они между собой тихо, почти полупрошепотом.

Каракулов продолжал рассказывать: – Я собирал этих специалистов поштучно, искал, ездил, уговаривал, обещал. С их приходом в лаборатории многое кардинально изменилось. Все озаботились поиском грантов, колабораторов, средств на покупку необходимых приборов.

– Понимаете Фарид Сеидович! – рассмеялся Каракулов. – Вначале я сам опешил, у всех у них оказалась изощренная логика – сначала деньги, создание условий, а потом уже работа. С одной стороны, это правильно. Без средств, условий, хорошего научного оборудования проводить научные исследования на должном уровне невозможно. Современная наука зиждется на современных и высокоточных методиках. Разумеется, по ходу своей деятельности каждый из них в совершенстве овладели компьютерным программированием. Были моменты, когда сотрудники «притирались» друг к другу, так, что момент истины для группы настал лишь через годы.

Лабораторная комната представляла собой довольно просторное квадратной формы помещение, разделенное на две половины стеклянной перегородкой. В середине, спиной к перегородке стояло массивное кресло, откуда назад уходили целая паутина проводов, исчезающих за стеклянную перегородку. Все стены вокруг были обиты звукоизолирующей тканью. Напротив кресла на стене были развешаны три широких экрана. За стеклянной перегородкой разместилась научная аппаратура. Их было множество, приборы стояли вплотную друг к другу, на них были взгромозжены другие приборы. На полу, на стенах, вокруг приборов провода, множество проводов. Между ними сновали лаборанты, настраивающие аппаратуру. За другой перегородкой за тремя письменными столами сидели программисты.

– Ну, как? – спросил профессор.

– Впечатляет! – ответил я, не скрывая свое восхищение увиденным.

– Теперь о сути эксперимента. Скажу так, мы, нейробиологи, научились делать то, что еще двадцать-тридцать лет назад считалось областью фантастики. Нашли способ, благодаря которому можно манипулировать активностью нейронов в мозге и таким образом влиять на память. При помощи определенной длины волн света можно «включать» и «выключать» нейроны, то есть управлять клетками, из которых состоит наш мозг – квантовый биокомпьютер. Надеюсь Вам понятно?

– Не так ясно, как хотелось бы, – признался я. – А можно уточнить? По-вашему головной мозг – это квантовый компьютер?

– По сути, да, – ответил профессор. Он взглянул на часы. – До начала эксперимента еще минут пятнадцать. Давайте посмотрим, как работает оптогенетическая технология. Наш мозг состоит из организованных в сложные сети восемьдесят миллиардов нейронов – клеток, способных хранить, передавать, кодировать, принимать и обрабатывать информацию, а также налаживать связи с другими клетками. Каждая нейронная сеть по-своему определяет некую

элементарную функцию, а взаимодействие этих сетей в разных зонах головного мозга обеспечивает сложную нервную деятельность. Понятно?

– Угу, понятно.

– Появился совершенно новый метод исследования и активации нейронов – оптогенетика – это технология, которая объединяет оптику и генетику для тонкого контроля активности клеток возбудимых тканей посредством внедрения в их мембрану белков опсинов, реагирующих на свет. Для доставки белков используется генная инженерия, для последующей активации клеток – лазеры, оптоволокно и другая оптическая аппаратура. Понятно?

– Пока, да, – ответил я.

– Так вот, чтобы нейрон стал светочувствительным, он должен иметь белок-рецептор света. Клетки сетчатки глаза содержат рецептор родопсин, состоящий из белка опсина и кофактора ретиналя. Под действием света ретиналь меняет свою структуру, и эти изменения передаются на белок, который активирует сигнальные пути нейрона, вызывающие его возбуждение.

– То есть, вначале нужно внедрить в мембраны ген родопсина. Так?

– Да. Доставить ген родопсина в нейроны мозга не так легко. И знаете, как это было достигнуто?

– К сожалению...

– Это делается при помощи вируса. Видя мое удивление, профессор повторил. – Да, да, именно внедрением в мозг человека вируса, содержащий ген родопсина. Вирус проникает в нейроны и происходит «накопление» светочувствительных белков.

– Это не опасно? – спросил я.

– Вирусы, которые мы используем для этих целей, сильно изменены и запрограммированы не размножаться, – успокоил профессор. – Так, что опасности нет. Вирусы проникают в клетки и нарабатывают в них родопсин, который, кстати, активируется красным светом. Источником такого света служат светодиоды или лазеры, поступающие в головной мозг по специальным проводам.

– Вот по этим проводам? – спросил я, указывая провода в шлеме, надетого на голову испытуемому.

– Ага. Включая и отключая лазер, мы научились включать/выключать нейроны, ответственные за кратковременную и долговременную память.

– Получается, что можно воссоздать воспоминания, вернуть память?

– В будущем могут появиться устройства наподобие нейролизаторов, способных «убрать память в глубину сознания». Вот, что нас интересует больше всего, – признался профессор.

– Скажите, пожалуйста, сегодняшний ваш испытуемый также подвергнут генно-инженерным манипуляциям?

– Ну, да. До эксперимента с помощью элементов стереоскопии в соответствующий участок головного мозга испытуемого вводится родопсин, воспринимающие свет с разной длиной волны. Это позволяет одновременно и независимо управлять разными группами нейронов с помощью, например, синего и красного света.

– И все это делается для того, чтобы активизировать соответствующий участок головного мозга в целях увеличения памяти. Так?

– По сути, мы сейчас заняты формированием трансгенного гения.

Видя мое удивление, профессор повторил: – Да, именно. Мы создаем гения. Модифицированный мозг испытуемого содержит нейроны, чувствительные к определенной частоте светового излучения. Высокоточная прицельная активация или высокоточное прицельное выключение зон мозга позволили картировать области, ответственные за долговременную и кратковременную память.

– Пожалуйста, поясните, – попросил я.

– Наше восприятие окружающего представлено в мозге сочетанием активных и бездействующих нейронов. Воспоминание – это воспроизведение той комбинации возбуждённых нейронов, которая когда-то возникла. В мозгу есть участок, связанный с воспоминаниями. Это гиппокамп. По сути, это центр запоминания. В ней идет накопление информации в миллиарды двоичных единиц. Чтобы «выдать» каждую такую единицу, достаточно тысячной доли микро-секунды.

В это время загорелись экраны.

– Уважаемый Фарид Сеидович! Прошу Вас посмотреть на экран. По нему идет текст. Пожалуйста, сосредоточьтесь и читайте.

Текст из какого-то научно-фантастического произведения медленно полз вверх. Так как скорость была небольшой, мне удавалось читать текст без особого труда.

– Теперь представьте себе, что скорость текста постепенно будет возрастать, станет сплошным, то есть не текстом, а быстро сменяющимся изображением. Можете представить?

– Представляю, но, а как прочитать сам текст?

– Обычному человеку этого сделать невозможно. Это связано с тем, что путь информации по зрительному каналу относительно медлителен и связан с двукратным превращением энергии. Световая энергия изображения превращается сетчаткой глаза в биохимическую. Затем совершается еще один переход: биохимическая энергия превращается в электрическую энергию биотоков, идущих по зрительному нерву в мозг. Теперь, представьте следующую картину. Ваш мозг модифицирован, по световоду подается свет определенной частоты и длины, активизирующий генно-модифицированный участок головного мозга со специфическими нейронами, обогащенными родопсином. В этом случае наступает активация этих нейронов, отвечающих за запоминание. – Вам понятно? – спросил по ходу профессор.

Я кивнул головой. Профессор продолжал: – Так, вот. Испытуемый видит на экране перед собой сплошной поток информации. На сетчатке глаза возникает целая череда изображений, которые в виде биотоков идут по волокнам зрительного нерва. Кстати, этот нерв содержит более ста миллионов волокон, которых следует воспринимать как отдельные провода, передающие электрические импульсы в головной мозг.

В комнату вошел подтянутый молодой человек. Это был сам испытуемый Умар Талипов. Кивнув в нашу сторону, он расположился в кресле, стоящем посреди комнаты.

– Сейчас испытуемому наденут на голову шлем. Видите, он с множеством проводов, – продолжал пояснять Каракулов. – Итак, вся информация, воспринимаемая испытуемым, через три экрана будут накапливаться в его головном мозгу. Более того, эти знания, носят самый разный характер. На первом экране художественный текст на зеленом фоне, на втором – на синем фоне научный текст и на третьем экране – философский текст на красном фоне.

– А почему три разноцветных фона? Цвета выбраны чисто символически?

– Не совсем, – сказал профессор. – В чем условность? К примеру: зеленый – это условно «популяризаторский», художественный уровень, то есть общедоступное, не совсем зрелое, по сути, начальное или иначе, зеленое обывательское знание. Затем идет синий цвет – это уже высокий, профессиональный уровень, уровень концептуального знания, уровень полноценной профессиональной теории. И, наконец, красный цвет, символизирующий зрелое, осмысленное, значимое знание, составляющее основу ткани научно-мировоззренческой культуры. Речь идет о философском и методологическом уровнях. Ну, а другой стороны, опыт восприятия того или иного цвета должен отображаться в определенной схеме той активности восприятия, которая ассоциируется с соответствующим цветом. Наш мозг не пытается строить восприятие того или иного цвета с чистого листа, но создает представление о соответствующем материале восприятия. То есть популяризаторский уровень, концептуальный уровень и, наконец, философский уровень. Теперь понятно?

– С этим все понятно. Теперь мне становилось понятным, почему книги Каракулова имеют такие цвета. – Однако, получается, что сами тексты содержат огромное количество тематической информации? – спросил я.

– Да. Причем, изначально они распределены на художественный, научный и философский тексты. Ими могут быть книги, сообщения, доклады, тезисы, статьи.

– То есть любой оцифрованный текст?

– По сути, да. Речь идет не только о целых библиотеках, но и любых электронных сообщениях, книгах, статьях, накопленных в мире за последние годы.

– То есть информация, соответствующая десяткам и сотням тысяч часов приобретения знаний?

– Совершенно, верно.

Спустя год исследовательская команда практически была готова к эксперименту. Шли последние приготовления. Неделю до эксперимента шеф устроил проверку готовности всей команды. Если отставить в стороне вопросы о том, как вводятся в череп электроды, нанопроводники, канюли, где и как закрепить внутримозговые имплантаты, где и как идентифицировать гены, как их модифицировать внутри черепа, когда и как осуществлять «подсветку» генно-модифицированных белков в головном мозге и прочие, то основные этапы эксперимента выглядели следующим образом:

Во-первых, должны считывать активность нейронов на двух уровнях: на уровне нейронных цепей при помощи оптогенетики; на уровне одного нейрона при помощи нейротрофических электродов и нанопроводов.

Во-вторых, нужно вызвать возбуждение нейронов на двух уровнях: на уровне нейронных цепей при помощи ченнелродопсина; на уровне одного нейрона при помощи нанопроводов.

В-третьих, нужно подавлять активность нейронов на двух уровнях: на уровне нейронных цепей в условиях применения холорходопсина;

В-четвертых, должны грамотно интерпретировать данные, используя компьютер с искусственным интеллектом. В этом случае, есть возможность передавать сигналы нейронной активности, используя беспроводные сети. Нейропрограмма же должна отвечать целям многозадачности: 1) Параллельное восприятие нескольких потоков информации одновременно; 2) Алгоритмизация содержания на основе встроенных паттернов тематической информации; 3) Эффективное обобщение и глубокое осмысление полученной информации.

Как-то Каракулову задали лобовой вопрос: – В чем заключается главная задача «нейрокомпьютерного конвергента»?

Ответ был до предела лаконичен. – В конфабуляции.

– А что означает понятие конфабуляция?

– Стремление наложить на хаотичные мысли и знания собственное представление о порядке.

– А что это означает?

– Из неожиданных столкновений и суммирований знаний и образов – уловить какой-то важный смысл и осуществить отбор и осмысление самое значительное знание.

В это время, на Умара Талипова надели шлем, присоединили к множеству проводов. Наконец, когда все было подключено, лаборант, возившейся рядом с испытуемым, обернувшись к профессору, провозгласил «Все готово!».

– «Начали!», – скомандовал Каракулов. Наступила тишина, нет гудения от мощных процессоров, нет жужжания от охлаждающих их вентиляторов, лишь бесшумные потоки электронов по многочисленным проводам. Можно было лишь догадываться, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. Мыслящий человеко-машинный аппарат заработал, перелопачивая огромную массу информации. Вот он – живой аппарат сидит перед нами в своем кресле.

Вначале на первом экране появился текст на зеленом фоне. Это был титульный лист известного научно-фантастического романа «Голова профессор Доуэля». Постепенно скорость смены страниц романа ускорилась. В это время включился второй экран, на котором появился уже научный текст на синем фоне. Вначале появился титульный лист такой капитальной монографии академика Кованова В. В., как «Пересадка органов и тканей». Здесь то же самое – постепенное нарастание скорости смены страниц. Через некоторое время загорелся третий экран. На красном фоне появилась титульная страница монографии Каракулова «Философские проблемы пересадки органов». С течением времени скорость смены страниц во всех экранах настолько увеличились, что практически распознать слова не представлялась возможным. Одно сплошное изображение продолжающегося текста указанных книг в три параллельных потока.

Я сидел, замерев, стараясь справиться с охватившим меня лихорадочным возбуждением. Что, собственно, происходит сейчас и здесь? Неужели можно так вот запросто загрузить головной мозг новыми знаниями? Неужели мозг способен воспринять такой поток информации? Причем, одновременно в три потока? А дальше что? А как же ген гениальности, открытый якобы учеными? Неужели можно породить гения? Ведь к чертям летит все теории одаренности, прирожденного таланта и гениальности.

Видя мое состояние, профессор обеспокоился: – С Вами все в порядке?

– Скажите профессор. Получается, что прирожденных способностей не существует? Стоит только нафаршировать головной мозг новыми знаниями и можно заполучить гения?

– Не совсем так, уважаемый. В какой-то мере умственные способности передаются по наследству. Самое главное, по наследству передаются задатки и это очень важно. И если чей-то мозг обладает более четкой способностью приобретать способности, то это основа основ. И, если кто-то с таким мозгом может стать гением, значит, в принципе гениальность доступна всем.

Уже потом, из справочника по психологии, узнал, что способность – это индивидуально-психологическая особенность личности, обусловленная склонностью к успешному осуществлению какой-либо деятельности. Причем, способность характеризуется умением замечать не только главное при изучении предмета, но и его окружение, а также сосредоточением длительного, устойчивого и непринужденного внимания на нем. По сути, это – настроенность на предвидение и прогнозирование явлений, действий, событий, интуитивная их экстра – и интерполяция.

– А почему же гениальность редкое, практически штучное явление?

– Как вам объяснить... Вот, к примеру, ваше авто, имеет мощный двигатель, обеспечивающий, не только высокую проходимость машины, но и скорость езды. Если залить ее плохим горючим, машина поедет, но у нее уже не будет той скорости и той проходимости. Знания являются для головного мозга теми же горючими. Если их мало или же они плохого качества, то и ждать от него хорошей мозговой деятельности не приходится. Так?

Уже потом, после эксперимента я задумался над словами Каракулова. Получается, отныне нет надобности в создании и поддержке школ для одаренных и талантливых детей. Зачем? Да, одаренность – это наследственные или врожденные качества, природная предрасположенность к развитию способностей, их сочетанию для достижения успеха. Она характеризуется легко возбудимой активизацией к творческой деятельности. Причем, потенциальной возможностью в достижении высоких результатов не вообще, а в конкретной деятельности. Да, талант – это выдающаяся способность с высокой степенью одаренности, ее концентрированное проявление. А теперь-то становится возможным создавать высокоодаренных личностей. Сейчас я сам присутствую на таком вот процессе, – восхищался я.

Про себя я подумал, что обязательно нужно будет взять интервью у Умара Талипова после завершения эксперимента. И каково было мое удивление, когда во время интервью, спустя

несколько недель после серии экспериментов, он ответил мне, что, безусловно, «чувствует» как выросли его багаж знаний и значительно повысился уровень своего мышления.

– Сердце замирает от радостного изумления от того, что могу безудержно выдать такой объем мыслительной деятельности, которое хватило бы на целую Академию наук, – признался он.

И по нему было видно, что не лукавит. Более того, его распирает гордость от того, что прикоснулся к чему-то сакральному, вечному, доброму. С каждым сеансом наращивания знаний, мысли обогащались, чувства обострялись, а сам познавательный процесс явно приносило ему эстетическое наслаждение. Впечатление было ошеломляющее! – восхищался Умар. – Мысли, суждения, выводы были полновесными, яркими и даже изящными. Потрясающе! Неужели все это происходит со мною? Неужели гениальность станет для человека нормой?

– А как быть с пирамидальным принципом всего, что окружает нас? – спросил я у Каракулова. – Ведь гении, какой бы области они не представляли, как правило, представляют вершину пирамиды. Гениев станет много. Пирамиды не станет, то есть все уравнивается.

– Но, уважаемый Фарид Сеидович, в вашем представлении гений – это человек, напичканный огромным багажом знаний многих и многих областей познания. Отнюдь. Гении – это, прежде всего, мыслители, это уникальный талант или талаген, наивысшая степень проявления творческих сил человека.

– То есть вы хотите сказать, что если даже вложить в голову все знания, то трудно из него сделать мыслителя?

– На мой взгляд, важны не только знания, но и взгляды, чувства абстракции, прежде всего. Именно люди с абстрактным мышлением могут связать несвязуемое, это высшая способность человека видеть и слышать мир. К этой категории людей, как правило, относят поэтов, художников, философов, а удельный вес людей, обладающих способностями к абстракции, во всем мире не превышает пяти процентов населения. Очевидно то, что наш метод резко увеличивает вероятность появления гениев.

– Между тем, согласитесь, одновременно с этим, начнется процесс обесценивания ума, одаренности, таланта, гениальности. Начнется беспрецедентная ломка устоявшейся жизни, так как будет уничтожен принцип пирамиды, – не унимался я.

– Возможно. Сейчас важно другое. Сделать интеллектуальную революцию на основе формирования и развития новой научно-мировоззренческой культуры. Вот что важно!

– То есть вы считаете, что пирамиду ума можно нивелировать за счет формирования современной научной и мировоззренческой культуры?

– Да, именно так. Ум, интеллект, чувства должны приобрести принципиально иные свойства. Именно в этом главная особенность людей будущего. Как вам объяснить проще. Человеку нет необходимости постепенно наращивать знания от простого к сложному, через особенное. Я выделяю триаду познания: популяризация, концептуализация, философизация знаний. С помощью нашей технологии готовое суждение можно просто как бы почувствовать.

– Вы хотите сказать, что такие познавательные элементы, как инстинкт, интуиция, вдохновение, догадка – все эти не совсем стабильные атрибуты гениальности? – засомневался я.

– Разумеется, нет. Они важны, но, согласитесь, куда вернее четкий полновесный анализ и обобщение соответствующих знаний, сделанный автоматически, – ответил Каракулов. – Полученные знания аккумулируются в мозгу, стыкуются с другими знаниями, генерируются, перерабатываются.

Эксперимент завершился, мы возвратились в кабинет. Каракулов выглядел крайне усталым, но довольным сегодняшним результатом. Попив кофе, он предложил пройтись по двору. В тенистом саду присели на скамейке. Он надолго замолчал, думая о чем то своем. Я тоже сидел молча, перебирая в памяти слова, сказанные профессором, во время эксперимента. Я смотрел

на профессора со стороны. Уже немолодой, спокойный и скромный в обыденной обстановке и жизни, а в науке и научной работе, наоборот, беспокойный, резкий и настырный. С одной стороны, он выглядел настолько уставшим в жизни, примирившимся с мыслью о том, что мир неисчерпаем и вместо каждой решенной загадки всегда будут возникать десять новых. Однако в нем постоянно циркулирует идея поиска нового, неизведанного. Вот и сегодня, что он доказывает? Мечтает о проблематичном создании гениев? Или же думает о реальности усилить умственные возможности людей с помощью искусственного усилителя? Мечтает подарить людям эффективное творчество на уровне высокой одаренности? Разве его поймешь. Да, человек хочет познать многое, но природа бесконечна, процессу познания нет границ, нельзя раз и навсегда понять мир и поставить точку. Для него это было естественно, а вот для остальных, которые находились у самого основания пирамиды, это была драмой, трагедией, крушением надежд. Мало кто задумывался над вопросом: что сделали бы люди, преисполненные всей премудрости мира? Ну конечно, он хочет сразу все решить, сразу сделать всех умными и счастливыми. Рассуждения о принципиально новых средствах обучения – это так, на поверхности. А в глубине души?

В кабинете Каракулова на стене над его креслом висел портрет Эйнштейна – величайшего из ученых и несомненного гения от природы. Справа от него на всю стену тремя столбиками висели знаменитые «Жизненные правила А. Эйнштейна». Я попросил разрешения снять на смартфон. Уже, будучи дома внимательно их прочитал: 1) Мы все рождаемся гениями, но жизнь исправляет это; 2) Относитесь ко всем с достоинством и уважением; 3) Мы все едины; 4) Случайных совпадений не бывает; 5) Воображение гораздо важнее знаний; 6) Одиночество может быть восхитительным для зрелой личности; 7) Делайте то, что чувствуете в своем сердце, и будете правы. А критиковать вас будут в любом случае; 8) Самые прекрасные вещи в нашей жизни являются таинственными и непостижимыми; 9) Религия и наука должны работать вместе, а не против друг друга; 10) Ваша значимость важнее успеха; 11) Ошибки являются признаком роста и прогресса; 12) Цените простоту; 13) Не создавайте себе кумиров; 14) Наказание не делает человека лучше; 15) Жизнь – это служение; 16) Никогда не прекращайте учиться; 17) Не переставайте задавать вопросы; 18) Все зависит от вас; 19) Не бойтесь высказывать свое мнение; 20) Позвольте природе быть вашим учителем; 21) Измените свое сознание, и это изменит вашу жизнь; 22) Цель – это главное; 23) Мы становимся счастливее, делая счастливыми других; 24) У вас нет никаких ограничений, кроме тех, которые вы сами себе поставили; 25) Правильные поступки не всегда делают вас популярным; 26) Трудности дарят новые возможности; 27) Вы не сможете добиться мира, используя силу; 28) Мелочей не бывает; 29) Ходите своими путями; 30) Прислушивайтесь к интуиции; 31) Мудрость является не продуктом обучения, а пожизненной попыткой ее приобрести.

Мне подумалось, человек, следующий этим правилам, суждено многое познать, прочувствовать и понять. Это были, по истине, золотыми правилами для любого ученого, неким рецептом научного успеха.

– О, Фарид Сеидович, прошу прощения, задумался, – признался Каракулов и продолжил. – Вот вы мне в тот раз говорили о пирамидах. Так вот. Да, мы ломаем пирамиду. Но разве это конец? Нет, напротив. Это начало нового цикла. Понимаете? Мы выведем ученых до уровня гения. Все поднимутся до вершины. И вот начинается сооружение новой пирамиды. Основание этой новой пирамиды будет на том уровне, где была вершина старой пирамиды. А новая вершина уйдет за облака.

– А затем?

– А затем мы ломаем и эту новую пирамиду. Поднимем всех на уровень ее вершины – и начнем строить следующую пирамиду.

Такова оказывается закономерность развития научно-мировоззренческой культуры. Так или иначе, важно то, что этот ученый замахнулся на то, чтобы разрушить пирамиду умственного неравенства.

– Развитие ума и способностей – самая сажная потребность человека, – говорил Каракулов. – Сейчас начинается эпоха новых пирамид – живых пирамид знания. Они в отличие от тысячелетних пирамид Хеопса будут разрушаться и возникать вновь – каждая на более высоком уровне.

При свете такой яркой мысли автора все остальное для меня просто исчезло, как звезды днем. Я понял, что практическая отдача идей профессора будет ощущаться еще долго, долго...

Мои мысли прервал Каракулов. – Фарид Сеидович, пойдёмте в кабинет. Я сегодня чертовски устал. Прямо отсюда уеду на дачу. Понимаете, там мне работается несравненно лучше. А в городе... В городе лица, лица, слишком много лиц видишь каждый день и час. Разных лиц. Они смазываются в памяти в бесформенную массу. Вот и в эти дни, надо заканчивать работу, но не работается. Начал впадать в странную апатию. Сажу напротив компьютера, смотрю на неё, смотрю. Порою кажется, что и он смотрит на меня в ответ. Заставил себя вернуться к работе с таким трудом. Довёл структуру книги до ума, сделал последние правки, добился четкости и конкретности в заключении работы. Однако работа опять застопорилась при оформлении предисловия, от содержательности которого многое зависит. И снова, как бы работа снова застыла в движении. Вдохновения нет. Неужели поток выбросит меня на берег в самом конце пути – пустого, изможденного, избитого? – думалось мне.

Созидание – странная вещь. Создать порядок, организованную систему, придать новую форму и смысл содержанию работы, а это, как мне кажется, и есть новая ступень, новое качество.

Проблемы такого рода, как научно-мировоззренческая культура, требует исключительно высокого уровня и иного качества знаний. Необходимо понимание проделанной работы, глубокие познания в основных областях, чутье на то, что важно, а что нет, а также способность создавать небанальные аналогии и нетривиально ставить ключевые вопросы. Тут требуется достаточно глубокое самопознание и интегративное мышление.

Эти слова, произнесенные Каракуловым, запомнились мне надолго. Находясь уже дома, я про себя подумал, человеческий разум – могущественный инструмент. Все рождается именно в чьем-то разуме и проецируется в физическую реальность. Эмоции, мысли, вот рычаги управления этим. Сейчас мне стало понятным, что ученый обязательно должен вести личный дневник, чтобы весь процесс, начиная от зарождения идеи, формирования гипотезы и карпения над ее разрешением, записать. Нельзя пропустить деталь созревания теории в голове ученого, когда начинается формироваться новая ступень, новое качество накопившегося знания. А что значить научное открытие – это один короткий, прекрасный миг – Эврика! А что значить новая теория – это разрушить старую форму, чтобы сделать новую. От начала и до конца. Надо все записать. От начала и до конца. Надо все записать. С такой мыслью я засыпал. Затем мне приснился странный сон, как будто, в чем мать родила бегу по улице и кричу «Эврика!», «Эврика!», «Эврика!».

ГЛАВА 3

ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВЫ ЦЕЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Занимаясь проблемой истории созревания научного открытия, когда приходилось из отдельных фактов и фрагментов, из обрывков разговоров и интервью, восстановить в своем воображении картину созревания вначале научной идеи, затем научной гипотезы, и, наконец, научного открытия, я подбадривал себя мыслью о том, что участвую в творчестве. Интересно, что же было вначале? Пожалуй, это традиционное вопрошание в любом деле. Каковы были мотивы того или иного научного поиска? Каковы были предпосылки тех или иных исследований? Что натолкнуло ученого исследовать именно этот вопрос, а не другой? В моем случае также было интересно, а что же послужило причиной тому, что Каракулов занялся проблемой эффективного наращивания знаний у индивида. Такой вопрос напрямую я ему задал при нашей встрече в его лаборатории.

Каракулов рассмеялся. – Вы не поверите, но это было еще в школе.

– В школе? – удивился я.

– Да, именно.

Разлив чай Каракулов рассказал мне следующее.

– Это было несколько лет тому назад. На улице совершенно случайно встретил Эргеша – моего школьного друга, с которым давно не виделся. За чашкой кофе в ближайшем уличном кафетерии, разговорились, ударились в воспоминания о школьных годах. Наверняка для него было неожиданным мой вопрос.

– Слушая Эргеш. Помнишь, тот самый злополучный случай в пятом классе?

Он в недоумении посмотрел на меня, явно теряясь в догадках, о чем идет речь. – Какой? Пятый класс говоришь?

– Ну да. Я пришел новичком в ваш класс. Помнишь?

– Да. Это, действительно, был пятый класс? – переспросил он.

– Это был либо во второй или в третий день моего пребывания в вашем классе. Помнишь?

– А что это вдруг? – удивился Эргеш, теряясь в догадках.

– Да, так, вспомнилось, – лукавил я.

– Постой, постой. Вспомнил, – оживился Эргеш и в его глазах появился некий задор, а потом уже он вовсе расхохотался. – Пожалуй, такое трудно забыть, если ты о том самом.

– О том самом, о том самом, – рассмеялся и я.

– Помню, помню. Тебя посадили с Таней. Так?

– Вот-вот. А ты сидел позади нашей парты.

– Помню, помню, – смеялся Эргеш.

– Еще бы не помнить, – смеялся я.

А дело было так. Шел урок географии, каждый из нас были заняты раскраской контурных карт. У Тани – моей соседки по парте, мне нужно было попросить стиральную резинку. Я обернулся и спросил у Эргеша, как мне по-русски у нее попросить резинку. Он и шепнул мне в ухо, а я ничего не подозревая, что это был подвох, да еще какой, я и обратился к Тане. Но видели бы, какая случилось реакция у нее в ответ на мою просьбу. Словами не описать, истерика с воплями и рыданиями. А я сидел в оцепенении, теряясь в догадках о причине такой реакции Тани. Хотя, где-то внутри сверкнула догадка – наверное, Эргеш подсказал мне какую-то матерщину. А я..... Сквозь плач Таня рассказала учительнице, что якобы я ее оскорбил неслыханной дерзостью и нецензурностью.

Помниться, учительница – молодая, жутко строгая, начала беспощадно совестить меня, параллельно пытаюсь выяснить, что же все так Таня от меня услышала. Она же отрицательно мотала головой и все твердила сквозь плач, о том, что слова были неприличными.

– А ну ка встань Карим. Что за бестактность. Это же хулиганство, – возмущалась учительница – что ты себе позволяешь? Разве можно говорить матерные слова? Что за нахальство? Что за невоспитанность? И тогда ли, и в таком духе.

А в это время весь класс хохотал и топал ногами. Я же сидел, потерянный, ошарашенный, озираясь на всех и теряясь в догадках. В чем дело? Почему такая реакция на обычную просьбу одолжить стиральную резинку? А класс продолжал потешаться надо мной. От такого позора готов был сквозь землю провалиться. Выбежав на улицу, расплакался, шел домой, не разбирая дороги, твердя о том, что больше в этот класс ни ногой.

Разумеется, о случившемся в классе никому и ничего не рассказал, но родителям твердо заявил, что в русской школе учиться не буду. Отец, выслушав меня отчеканил: – Ничего с тобой не случится. Перетерпи, привыкнешь.

Два дня прогуливал, а на третий к нам домой пришла завуч школы Ким Людмила Васильевна. Я долго отнекивался, но она настояла на том, что бы я продолжил школу. Пообещала, что поможет мне по русскому языку. Естественно, меня рассадили с Таней, в классе ни одна девчонка демонстративно не захотела сесть за парту в пару со мной. Скажу, что в классе меня так и не приняли за своего, сторонились, да и у меня появилась боязнь прямого общения с одноклассниками и в особенности с одноклассницами. Вот так, в школе оставался робким одиночкой, застенчивым молчуном. Разумеется, что со временем многое забылось, сам я не навязывался к дружбе с ними. Привык и все последующие годы, вплоть до окончания школы, вел себя отстраненно, живя в собственном мире.

Признаться, до сегодняшнего дня оставался в неведении, какие же слова подсказал тогда мне Эргеш. И вот, наконец, спустя многие годы после той драмы, представилась возможность услышать от него самого.

– Эргеш. Скажи честно, что ты мне тогда подсказал?

– Ну, друг, ты уж прости меня. Ведь даже настоящие преступления иногда прощаются за давностью, – рассмеялся Эргеш. – Признаться, в отношении тебя с моей стороны, конечно же, было свинство.

– И какое слово ты мне тогда прошептал? – не унимался я.

– Дай мне резинку, – смеялся Эргеш. – Честное слово!

– Да ну?

Даваясь смехом, Эргеш все-таки признался: – Если быть точнее – Дай мне condom!

А вот оно что! Тут уже расхохотались мы оба. Ну, теперь все понятно. Конечно же, непростительная дерзость с моей стороны, ляпнувшего это слово, совершенно не понимая его смысл. Да и Эргеш, друг называется, сделать такое запахло.

– Да, не столько забавный случай, сколько жесткий розыгрыш, – сказал я.

Мы с Каракуловым вдоволь насмеялись. Сколько таких вот смешных историй было у каждого из нас в школьные годы. А вообще, дети всегда бывают жестокими, как в этом случае одноклассники поступили с ним, – подумалось мне. Бедный, каково ему было тогда. Ничего не скажешь, беспощадный и жестокий розыгрыш, если это можно так называть.

– Этот злополучный пятый класс врезался в мою память навсегда, – продолжал Каракулов. – Да и потом, не счесть, сколько было унижений, оскорблений, недоразумений из-за моего незнания элементарных русских слов и выражений. Если до того слыл открытым мальчуганом, то уже через год превратился в обидчивого, замкнутого, даже озлобленного мальчика. Дедушка Фрейд посчитал бы мой пример, как отчетливое проявление того самого чужеродного, разрывающего единство сознание, аффекты бессознательного. Уже потом, обучаясь в медицин-

ском институте, штудировав психологические труды Зигмунда Фрейда, понимал, что это было, по сути, защитной реакцией моей психики на травмирующее сознание аффекты.

Разумеется, – сказал я. – Испытать такое унижение, оскорбление. И вправду, этот случай врежется в память навсегда.

Каракулов продолжал: – Вот так, все началось еще со школы. Однако, какие события не проходили бы, это были, безусловно, счастливые года детства. Когда рассказываю эту историю, меня часто спрашивают, а что до пятого класса ты вообще не учился? Разумеется, учился, но в кыргызской школе. Так сложилось, что наша семья переехала в райцентр, где не было кыргызской школы и мне пришлось идти в пятый класс русской школы. А до того в кишлаке, насчитывающем всего два десятка дворов, затерянном в самом дальнем углу района был единственный малокомплектный класс, в котором учились всего восемь учеников. Причем, первоклассников было двое, второклассников – трое, третьеклассников – двое и лишь я один – ученик четвертого класса.

– Интересно, а что были и такие классы? – удивился я. Живя в городе, учась в городской школе, мне и невдомек было такое положение с образованием в сельской местности.

– Байт-ава – наш общий школьный учитель, – продолжал Каракулов, – имел всего лишь начальное образование и, конечно же, вел занятия исключительно на кыргызском языке. Русскую речь нам приходилось слышать разве лишь тогда, когда изредка выбирались с родителями в райцентр. Вот так, не зная ни одного слова по-русски, сел за парту пятого класса с русским языком обучения.

– Ну, а дальше, что?

– А дальше, – задумался Каракулов, – а дальше вот, что. Я глубоко был благодарен завучу школы Людмиле Васильевне Ким, которая, практически каждый день занималась со мной по русскому языку.

– Ты должен научиться читать и понимать текст, иначе придется тебе оставить на второй год, – грозилась она.

Да я и сам, с завидным остервенением штудировал все предметы, более всего налегая на русский язык и литературу, – признался Каракулов. – Вспоминаю, как держал ответ по скорости чтения. Вначале позорные цифры – пять-десять слов в минуту, затем все больше и больше. Представьте, что в пятом классе, когда достиг сто двадцать слов в минуту, впервые получил похвалу, а ведь это ныне норматив первого класса. Проходили года, освоился и даже в старших классах прослыл самым читающим. Действительно, в те годы по рекомендации Людмилы Васильевны много читал художественные книги, практически пропадаю в библиотеке. Причем, читал взахлеб, достигнув среднестатистической скорости чтения, а это сто восемьдесят-двести слов в минуту.

– Вот откуда упорство и настойчивость профессора, – подумал я. – Не зная ни одного слова по-русски, благодаря упорству в характере добился таких впечатляющих результатов. В это время Каракулов продолжал свое повествование.

– В институте, куда я поступил после окончания школы, студентам приходится «перелопачивать» огромный массив специальной литературы. В один из дней, в «Чернышевке» – республиканской библиотеке имени Чернышевского, где довольно часто по субботам и воскресеньям приходилось заниматься, наткнулся на объявление о том, что состоится лекция по методике скорочтения. Я был заинтригован этим объявлением, мне показалось, что именно студентам-медикам, кстати, наиболее читающим в столичной студенческой среде, приемлемо было именно скорочтение.

Я про себя отметил, что и сам в старших классах бесплодно пытался освоить скорочтение. По сути, я хорошо понимал, что не каждому удастся освоить эту методику, то есть приобрести способность, которая увеличивает скорость чтения в десять-двадцать раз. – И, что же дальше? – спросил я.

– В объявленный час в актовом зале московский лектор Свиридов С. М. прочитал лекцию. Помнится его слова «Самая главная задача читателя – это заставить себя полюбить скучный текст, вызвать у себя к нему определённый интерес, заставить работать свои мозги». А как полюбить совершенно неинтересные медицинские тексты? Причем, больших объемов и самых разных, начиная от анатомии, завершая клинической медициной. Не раз пытался заниматься по его методике, но на первых парах все тщетно. С течением времени, не сразу, но постепенно мне в какой-то степени удалось освоить скорочтение, постепенно нарастив скорость чтение до двух тысяч слов в минуту.

– Ну, вы молодец! – не удержался я похвалить Каракулова.

– Спасибо! Уже потом, где-то на четвертом-пятом курсах, я начинал работать с «Тренажером освоения техники быстрого чтения» Хромова, который позволяет быстро читать тексты больших объемов за счет возможности систематизировать их. К этому времени, я научился охватывать глазом текст при одной фиксации взгляда, читать его по диагонали, а также максимально напрягать внимание. В те года я был в какой-то степени горд тем, что мог за один присест прочитывать целую книгу. Еще бы не гордиться, ведь такое чтение использовали великие творцы, – утешал самого себя.

– Я в курсе. Как-то мне пришлось прочитать о том, что Ленин читал более двести с половиной тысяч слов в минуту, а Сталин читал каждый день не менее пятисот страниц.

– Если вы помните, скорочтением владели Пушкин, Наполеон, Кеннеди и многие другие деятели, – добавил Каракулов. – Что интересно, одни из них использовали методику углубленного скорочтения, другие – выборочного, третьи – методику чтения-сканирования. – Я вас не утомил Фарид Сеидович? – обратился Каракулов ко мне.

– Нет, что вы, продолжайте, – попросил я, – это очень интересно.

– Помнится, в студенческие годы скорость чтения медицинских текстов у меня уже составил тысяча восемьсот слов в минуту. Мне было достаточно лишь на один день взять из библиотеки, какую-либо монографию, чтобы ее прочитать и вернуть. Библиотекари удивлялись и не верили в то, что такое возможно. В те годы, надеясь на свою память, я так и не научился писать и пользоваться конспектами. Разумеется, многие знания, подчерпнутые из книг методом скорочтения, как оказывается, все же улетучиваются из памяти. Наверняка, потому, я страстно мечтал собрать свою библиотеку впрок, чтобы периодически перечитывать книги в целях восстановления знаний из памяти.

– Наверняка, вам удалось собрать внушительную библиотеку? – спросил я. – Не представляю большого ученого без личной научной библиотеки.

Каракулов рассмеялся: – К сожалению, библиотеку мне так и не удалось собрать. С немалым трудом доставал ту или иную стоящую монографию, однако, нужда заставляла их продавать в «Букинисте». Причем, такая необходимость возникала с завидной систематичностью.

– То есть вы пополняли свою библиотеку, а через некоторое время были вынуждены продать книги? – уточнил я.

– Совершенно, верно, – согласился Каракулов и продолжил свой рассказ: – Еще тогда я убедился в том, что разные тексты имеют не только разные структуры, но и разные доминаты и ключевые слова. Убедился и в том, что этот огромный информационный материал, как-то надо сложить в мозгу, чтобы потом, при необходимости отыскать. Ведь мозг должен сжать информацию, образуя в самом себе такие нейронные связи, которые позволяют эту информации обратно разархивировать. Речь идет о способности читать внимательно, слившейся с текстом в единое целое. Помнится, вначале мне никак не удавалось научиться визуализировать вертикальную линию, которая делит текст пополам, а также «считывать» слова и предложения целыми строчками. С течением времени и это было пройдено. Помню, вначале с трудом удавалось сосредоточиться на усвоении смысла больших специализированных текстов по медицине.

Позже стало легче. К моменту завершения обучения в институте я уже мог читать со скоростью до двух тысяч триста слов в минуту.

– А ведь есть люди, которые являются по-настоящему быстрочитающими – это от трех тысяч до пяти тысяч слов в минуту, – прервал я. – Есть люди, читающие очень быстро – до десяти тысяч слов в минуту.

– Да, есть такие читатели. Есть и такие, так называемые сверхбыстрочитающие, у которых скорость чтения доходит до двадцати тысяч слов в минуту. К сожалению, моя скорость так и осталась в среднем на уровне двух тысяч слов в минуту.

– Вы зря скромничаете. Две тысячи слов в минуту – это впечатляет.

– Если признаться, я многим обязан именно скорочтению. В особенности в молодые годы, когда только, что приступил к научной работе. Здесь профессор ненадолго замолчал, вспоминая нечто свое.

И вправду, Каракулов невольно вспомнил события тех дней и тот самый диалог по чтению, скорочтению. Ему вспомнилось, когда, наконец, собрал молодых выпускников медицинской академии в свою лабораторию медико-биологических исследований, он вознамерился обучить их методикам скорочтения. Организовал специальный семинар, на котором рассказал свою историю освоения технологии скорочтения. Тогда состоялся примерно следующий диалог со своими учениками и ученицами.

– Кубат Бакирович. Прежде чем говорить о скорочтении, нам всем интересен вопрос: Как вы сами относитесь к процессу чтения? – спросила Айгуль.

– Важно осознать то, что читающий и автор становятся единым разумом – вы видите текст с точки зрения самого автора. Еще важнее то, что хорошо, если в вашем мозгу есть параллельные материалы с примерными ответами на возникшие вопросы. В этом случае, читатель просто подключается к своей интуиции и преобразовывает информацию при помощи этой базы.

– Вы имеете в виду знания, кругозор?

– Да. Именно они систематизируют и упорядочивают мысли и суждения, включая всю силу воображения, образы, идеи, понятия и сюжеты. Именно они способствуют достижению разума прежде, чем вы прочтёте текст, даже при помощи техники скорочтения.

– Нас учили, что слова нужно читать последовательно, одно за другим, чтобы можно было ясно понять их смысл. Это правильно?

– В той или иной мере. Принцип «по одному в единицу времени» полезен при решении задач, требующих сосредоточенного внимания и упорядоченности.

– Кубат Бакирович. Значит еще в те далекие семидесятые-восемидесятые годы прошлого века существовало программы, с помощью которых допустимо было повысить уровень чтения, ускорить процесс запоминания и достичь расширения ячеек памяти? – спросил Асан.

– Да, это так, – ответил профессор. – Со временем их становилось все больше, а с внедрением компьютера и интернет появились более эффективные технологии повышения памяти. Например, «Доминанта» Олега Андреева. Это своеобразная онлайн тренировка памяти, с помощью которого можно добиться не только увеличения скорости чтения в двадцати раз, но и эффективно развить память и интуицию.

– Можно мы перепишем эту программу на диск?

– Разумеется. Что интересно, с появлением интернета стало возможным использовать скорочтение не только для чтения специализированных текстов, но и для изучения учебной литературы, литературы не по специальности, художественной литературы.

– Хотя, в свое время, психологи заявляли о том, что методика скорочтения не пригодна для чтения художественной литературы, – напомнила Айгуль.

– Ты права, Айгуль. Их аргументы такие. Так как автор книги создает мир, а читатель должен стать одним из его жителей, подружиться с его героями, принять участие в событиях, сопереживать персонажам, разделять их чувства.

– Конечно же, традиционное чтение книг ничем не заменить, – сказала Айгуль. – Как мне кажется, вдумчивое чтение с переживанием – это и есть занятие на симуляторе.

– Айгуль верно подметила, – вновь подчеркнул профессор. – Читать следует вдумчиво, с эмоциональными переживаниями. Однако, как подчеркивают авторы эффективных технологий скорочтения, все приходит с опытом. «Главное – не ускорение процесса чтения, а углубление эстетического воздействия за счет развития зрительных, образных компонентов мышления в процессе чтения», – пишут они. И действительно, отмечается резкое увеличение зрительных компонентов процесса чтения. «Как будто не читаю, а смотрю интересный кинофильм со всеми персонажами, событиями, пейзажами, которые описываются в книге» – так писал один из читателей.

– Кубат Бакирович. Расскажите об уровнях погружения в художественный текст, – попросил Руслан. – Вы ведь еще и пишете художественные книги.

– Мы знаем о трех уровнях погружения в художественный текст. Первая – событийная, когда читатель должен понять сюжет и фабулу произведения. Вторая – смысловая, когда читатель отождествляет себя с персонажем. В память врезается все: и пейзаж, и обстановка, и внешний вид персонажей. Читатель уже передает не только действия типа уехал, пришел, скрылся, но и переживания героев типа ненавидит, любит, сомневается. Третья – образно–смысловая. На этой ступени происходит отождествление читателя с автором-художником с его малым, средним и большим миром восприятия.

– Можно ли проникнуть во все уровни с помощью только скорочтения? – спросила Айгуль.

– Разумеется, нет. Быстро читать художественные произведения можно, но за счет отлично развитой образности восприятия читателя, его исходного кругозора, образованности, широкого мировоззрения.

– А как быть с процессом запоминания больших текстов? – задал вопрос Эрмек.

– Да. Есть такая проблема скорочтения – это проблема увеличения уровня запоминания. Понимаешь Эрмек. В наш компьютерный век появилось множество методик развития внимания и памяти. В частности, онлайн таблица Шульте – эффективный тренажер для развития внимания, памяти и навыков скорочтения. Этого касается и онлайн версии Люмосити, представляющая собой сорок игр, направленных на тренировку внимания, многозадачности, кратковременной и долговременной памяти.

– И какую же технологию вы бы нам порекомендовали? – спросил Мурат.

– Для начала хватить и онлайн таблица Шульте. В нем делается акцент на повышение внимания читателя. Как известно, внимание характеризуется несколькими факторами – концентрация, устойчивость, переключения внимания, объём внимания. Вот вы приступаете к научной деятельности. Для вас имеет исключительное значение быстрый и эффективный просмотр научной литературы.

Сказав эти слова, Каракулов предложил сделать следующее: – Вот вам на просмотр такой текст, которого нужно просмотреть за тридцать секунд. Он вручил каждому заранее заготовленный текст, взятый из научного журнала. Итак, время пошло, – известил он.

Спустя полминуты, собрав тексты задал всем три вопроса: какие три факта были наиболее запоминающимися? Где в тексте находятся основные мысли? Как можно кратко выразить идею текста?

– Прошу мысленно ответить на эти вопросы и дать при себе самооценку, – попросил профессор.

По лицу своих учеников, сидящих полукругом, было очевидно, что они оставались в затруднении.

– Кубат Бакирович. А как быть с компьютерными текстами? – спросил Асан. – Ведь и в правду во времена традиционного чтения, читатель способен к глубокому, длительному

и вдумчивому чтению, которое возникло и неторопливо развивалось у него, как культурный навык. А сейчас?

– По сути, с дисплея компьютера, мы не читаем в обычном смысле этого слова, – отметил профессор. – По сути, это новая форма «чтения», при котором нужно пробежать глазами по заголовкам и кратким описаниям текстов, быстро найти нужную информацию, а это, в свою очередь, ведет к изменениям всего строя мышления.

– И все же некоторые тексты мы читаем, – подчеркнул Асан.

– В целом, нейронные связи, возникающие при онлайн-серфинге и беглом чтении сайтов, постоянном гуглении, блуждании по перекресткам виртуального пространства не так устойчивы и надежны.

– Почему?

– Дело в том, что вместо логических цепочек аргументов, возникает, так называемый стиль телеграфного сообщения, как пестрое полотно, сотканное из мыслей, призывов, наблюдений.

– Получается некоторая неразборчивость в поглощении информации? – засомневался Асан.

– По сути, да. С дисплея компьютера мы не столько читаем, сколько скользим по смысловой поверхности текста, а при этом в мозгу создается множество догадок о смысле текста.

– Но вместе с тем, это же очевидно, что компьютер порождает в уме образы, развивая ассоциативное и интуитивное мышление.

– Согласен. Хотя, настоящее чтение, как и мышление, – это полноценное погружение в суть текста, а читатель представляет собой созерцательно-деятельное существо.

– Сейчас все наоборот, – протянул Мурат. – Книги не читаются. Современный читатель с широкой, казалось бы, эрудицией и кругозором, читает исключительно компьютерные тексты.

– Причем, слишком много и слишком быстро, зачастую даже не осознавая, что именно читает, – отметила Ран, – а это вряд ли способно сделать прочитанное им полноценным инструментом познания и преобразования мира. Как быть в таком случае?

– Чтение всегда было и будет способом осознанного и творческого конструирования своей личности, источником многочисленных знаний, – сказал профессор.

– Ну, а чем отличается тренированный читатель в скорочтении от не тренированного?

– Тренированный человек одинаково понимает текст, подающихся на разных скоростях, – сказал Каракулов. Видя, что, сидящие переглядывались друг на друга, не понимая мысль, он сказал так:

– Процесс первичной обработки информации головным мозгом можно представить себе, как работу сита и сыпучих материалов. Если вы совсем не знакомы с темой, о которой идет речь, то в вашем «сита» совсем нет никаких ячеек, и все, что вы в него насыпаете, благополучно высыпается наружу. Правильный способ создания ячеистой структуры вашего «сита» – работа с источниками, которые по сложности уступают этому тексту. Так, постепенно усложняя характер источников, мы уменьшаем размер ячейки «сита», в которое насыпаем нечто ценное для нас.

– Следовательно, образно говоря, задачей любого читателя является создание «сита», постепенное уменьшение размера его ячейки, – уточнила Айгуль и спросила: – То есть речь идет о постепенном наращивании знаниявого багажа?

– Верно. Помните, когда-то вы у меня спросили, как я быстро прочитываю газету или книгу? Так вот, это не трюк и не особая способность, а всего лишь методика скорочтения, которой могут освоить любой желающий. Скорочтение – это было началом моей авторской технологии повышения уровня научно-мировоззренческой культуры людей.

– Вы о своей научной идее и гипотезе? – спросил Мурат.

– Да, о них. Начну с определения, – сказал профессор: – «Чтение – это процесс использования наших глаз и сознания для понимания как буквального, так и скрытого смыслов, которые заложены в тексте его автором». По сути, чтение является основным средством обучения, инструмент познания окружающего мира. В условиях информационного взрыва и постоянного усложнения научно-технических проблем, решаемых специалистами всех отраслей знания, читать нужно все больше и больше. С этим вы согласны?

– Угу. Все одобрительно закивали головой.

– Совершенно очевидно, что без навыка быстрого чтения, в том числе с компьютерного дисплея, усвоить такой объем печатной продукции просто невозможно. С этим вы согласны?

– Предположим, – за всех ответил Мурат.

– Головной мозг человека в условиях современной цивилизации оказался уже не в состоянии усваивать потоки всех видов информации. Вместе с тем резервы головного мозга в этом отношении далеко не исчерпаны. Надеюсь, вы согласны с этим?

– Скажем, да, – вновь за всех ответил Мурат.

– Сейчас нейрокompьютер читает и запоминает в сотни тысяча раз быстрее и надежнее. Как ускорить процесс чтения? Как увеличить объем запоминания? Каракулов обвел глазами сидящих.

– И как? – робко спросила Рано.

– История развития человеческого общества – это, прежде всего, история развития формирования сокровищницы знаний путем переработки и сжатия информации, доведения его до уровня научно-мировоззренческой культуры. Так?

– Представляю, – за себя ответила Рано.

– В обществе всегда циркулируют огромные потоки избыточной информации, не содержащей новых знаний, а потому не пригодных для формирования или изменения состояния научно-мировоззренческой культуры.

– Какой же выход? – задалась вопросом Айгуль.

– Выход в том, что нужно найти принципы пополнения знаний, формирующих культуру – существенных и регулярно повторяющихся.

– То есть речь идет о закономерностях?

– Совершенно, верно Айгуль. В условиях современного информационного кризиса, возникшего из-за избытка информации, чтение должно быть организовано таким образом, чтобы, отсеивая лишнее, мы умели выбирать лишь существенно новое, составляющее основу знаний, чтобы, используя инструмент мышления, закладывать в нашу память основы качественно нового знания. Именно так формируется научно-мировоззренческая культура.

– Ну и каким образом этого достичь? – поставил вопрос Эрмек.

– Эрмек. Это не только быстрое и сплошное чтение текста, обеспечивающее полное и качественное усвоение прочитанного, но и синтез отдельных понятий, в результате чего закладывается фундамент нового знания.

– То есть с операцией извлечения и обработки достаточной и необходимой для читателя информации, заложенной в тексте его автором?

– Это с одной стороны, а с другой – обобщением этих знаний и закладыванием багажа научно-мировоззренческой культуры. Вот что важно, – подчеркнул профессор.

– То есть весь вопрос состоит в том, как сделать не только быстрым чтение самого текста, но и обеспечить высокую скорость и степень понимания его содержания. Так?

– Да. В этом аспекте, моя теория отражает закономерность формирования научно-мировоззренческой культуры. Мною предложена триадная модель синтеза такой культуры у индивида. Но об этом позже, при случае, – пообещал профессор.

Помниться, – сказал Каракулов, – завершая семинар, я обратился к своим сотрудникам: – Вот вы приступаете к научной деятельности. Для вас имеет исключительное значение

быстрый и эффективный просмотр научной литературы. У вас просто нет выхода, как освоить методики скорочтения. Иначе вам будет трудно справляться с поточной информационной нагрузкой. С точки зрения восприятия, вы – всё, что сами воспринимаете. Потому что сами формируете собственную точку зрения, вы – единственный авторитет, создатель, или Бог, своего восприятия. Независимо от происходящего вокруг, вы единственный, кто воспринимает это так, как вы сами. Никто другой не может воспринимать для вас. Так как вы единственный, кто воспринимает ваш собственный мир, у вас есть намного больше контроля над воспринимаемым, чем кажется на первый взгляд. В одно мгновение можно изменить мнение о любом воспринимаемом процессе или объекте. Измените свое мнение – поменяете свой мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.